

A person wearing a wide-brimmed hat and a long coat walks away from the viewer across a vast, cracked, and parched landscape. The ground is covered in a complex pattern of deep, irregular cracks. The horizon is low and shrouded in a thick, pale haze, with a few faint, distant structures visible. The sky is a deep, dark purple, suggesting a twilight or dawn setting. The overall mood is desolate and mysterious.

ДАНИИЛ ГОРБУНОВ

**КРУГИЦЫ ЗОЛОТА
В ТУМАНЕ**

Даниил Горбунов

Крупицы золота в тумане

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26340149

ISBN 9785448574719

Аннотация

Золотая лихорадка 1849 года. Тысячи людей отправляются в Калифорнию на поиски золота, среди которых молодой человек по имени Эдвин, покинувший ради драгоценного металла свою семью. Что ждёт его в опасном путешествии? Получится ли у него и его друзей разбогатеть? Смогут ли будущие золотоискатели хотя бы остаться в живых?

Содержание

Часть 1. Путь в Калифорнию	5
Глава 1. Начало Запада	6
Глава 2. Общая мечта	22
Глава 3. Очередь на переправу	37
Глава 4. Обстановка накаляется	50
Глава 5. Сновидения Эдвина	65
Глава 6. Те, чья мечта не сбылась	75
Глава 7. Смерть, бродящая по пустыне	87
Глава 8. Ночное происшествие	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Крупницы золота в тумане

Даниил Горбунов

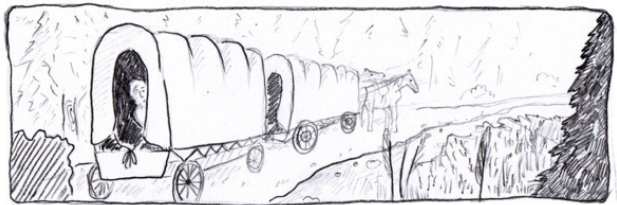
Дизайн обложки и иллюстрации Иван Перчугов

© Даниил Горбунов, 2017

ISBN 978-5-4485-7471-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Путь в Калифорнию

Глава 1. Начало Запада

Почти каждый день 1849 года в городке Индепенденс, что находится в Миссури, было как никогда многолюдно. Как только по США разнеслась новость о том, что в далёкой и неведомой Калифорнии найдено золото, десятки тысяч людей, мечтавшие о богатстве, направились в этот город. Индепенденс являлся тем самым местом, в котором в середине 19 столетия начинался американский запад, и заканчивалась цивилизация. На тысячи километров к Тихому океану по многочисленным долинам и бесплодным пустыням простирался великий Калифорнийский путь.

В один из весенних дней 1849 года среди сотен толпящихся на улицах людей появился молодой человек лет двадцати четырёх. Звали его Эдвин Холл, только несколько часов назад он сошёл с поезда, прибывшего из Нью-Йорка, и сейчас искал группу золотоискателей, которая согласилась бы взять его в попутчики. По потёртому плащу Эдвина, широкополой шляпе, которой, казалось, шёл уже не первый десяток лет, и старому чемодану, становилось понятно, что человек этот не из самой богатой семьи.

Эдвин смотрел на деревянные двухэтажные дома, у стен которых находились уличные лавки с самыми разнообразными товарами: начиная от свечей и фонарей, заканчивая лопатами и кирками. Каждый продавец старательно нахваливал

продаваемые им инструменты, и люди охотно их покупали.

– Купите кирку, – услышал Эдвин, как один из торговцев обращается к человеку в шляпе-котелке. – Купите. В Калифорнии такая же кирка вам обойдётся в десять раз дороже!

– Не может быть! – удивлялся его клиент.

– Да, да, мистер, мне рассказывали о том, какие бешеные цены в магазинах Сан-Франциско. Там всем владеет Сэм Брэнан, (слышали о таком?) так вот этот Брэнан как раз все цены и назначает.

Человек в шляпе-котелке извлёк из кармана несколько новеньких монет и передал их торговцу.

– Удачи вам на золотых приисках! – сказал на прощание продавец и спрятал деньги в отведённый для них мешок.

Эдвин подошёл к одной из лавок и стал внимательно разглядывать всё, что лежало на прилавке. Он подумал, что раз в Калифорнии и вправду такие цены, как сказал торговец, то следовало бы вдоволь запастись провизией, чтобы в богатом золотом крае не испытывать ни в чём нужду. С собой у Эдвина имелось двести десять долларов, распорядиться этими деньгами он старался с умом, так как когда примкнёт к какой-нибудь группе будущих старателей, его наверняка попросят внести часть своих денег в общее дело.

– Извините, сколько стоят свечи? – спросил Эдвин у стоящей за прилавком женщины.

– Эти продаю по десять центов за штуку, – она указала на какие-то грязно-жёлтые свечи, очень тонкие и явно нека-

чественные. – А эти – по пятнадцать, – её палец коснулся более светлых свечей.

– Тогда, пожалуйста, дайте мне десять штук по пятнадцать, – сказал Эдвин после короткой паузы и протянул продавщице полтора доллара.

Аккуратно уложив свечи в чемодан, он продолжил путь по площади Индепенденса. Вскоре показались небольшие повозки, рядом с которыми стояли золотоискатели, собиравшие группы по двадцать-тридцать человек, чтобы отправиться в Калифорнию. Эдвин подошёл к проводнику одной из групп и спросил:

– Не найдётся ли у вас для меня место?

Мужчина лет сорока в коричневой шляпе внимательно на него посмотрел.

– Найдётся, если у вас есть триста долларов.

– Трёхсот долларов у меня нет, но...

– Триста долларов, – перебил его мужчина, и Эдвин, постояв ещё несколько секунд, молча развернулся и ушёл.

Эдвин не отчаивался и знал, что обязательно присоединится к какой-нибудь группе. Он очень хотел попасть в Калифорнию: разбогатеть – была самая главная его мечта.

Эдвин всю свою жизнь прожил на окраине Нью-Йорка. Его отец, владевший небольшой фермой, всегда говорил: «Мы живём в такое время, когда как бы ты усердно не работал, у тебя ни за что не получится сколотить состояние». Отец умер, когда Эдвину исполнилось двадцать лет, он за-

помнил его как человека трудолюбивого, несмотря на то, что занятие его не приносило ему большого дохода. Видя пример отца, Эдвин не хотел провести всю жизнь, как он, работая с восхода до заката без выходных.

И вот в 1848 году на глаза Эдвину попала статья в газете о том, что в Американ-ривер в Калифорнии нашли золото. Сначала многие его знакомые относились к этой статье скептически. Тогда люди, ещё не верившие этой новости, продолжали каждый день ходить на свою скучную работу и получали за неё такое количество денег, какого еле хватало на жизнь.

Та статья о золоте никак не уходила из головы Эдвина, и ему даже стали сниться сны о том, как он приезжает на запад и начинает поиски золотых самородков. Одним вечером Эдвин решил поговорить об этом со старшим братом Эрнестом.

– Ты слишком легкомысленный, Эдвин, – сказал тогда Эрнест, одарив его строгим холодным взглядом.

– Почему же? – спросил Эдвин. – Ты, кажется, меня не совсем понимаешь. Нужно ехать туда! Сейчас это самый лёгкий способ разбогатеть! Нужно ехать, пока ещё другие всё не перекопали. Вот увидишь, потом в Калифорнию будут приезжать люди даже из других стран!

Эдвин говорил всё это с невероятным вдохновением, что не нравилось его брату.

– Но ты же ничего не знаешь о добыче золота! – возразил

Эрнест. – Ты думаешь, что приедешь туда и будешь прямо с земли собирать золотые слитки, так?

Эдвин молчал.

– Золото портит людей, – продолжал Эрнест, – я не удивлюсь, если золотоискатели нередко убивают друг друга ради этого драгоценного металла. Ты погибнешь там, Эдвин.

– Я буду честно добывать золото.

– Из-за этого ты и погибнешь. Ты ведь ничего не знаешь о Западе, у тебя нет ни малейшего понятия, что делать, если нападут индейцы.

С этим Эдвин не мог поспорить, но слова брата, тем не менее, не смогли переубедить молодого человека. Он точно знал, чего хочет, знал, что добьется своей цели, невзирая на любые преграды.

– Я поеду в Калифорнию и точка! – сказал он.

– Подумай о матери, дурак, – произнёс Эрнест.

Их мать уже несколько лет находилась во власти какой-то неизлечимой болезни. Эрнест и Эдвин настаивали на том, что она должна сидеть дома, даже хотели нанять ей сиделку, но мать сказала, что хочет работать. Из-за болезни она смогла устроиться только продавщицей в кондитерский магазин, покупатели которого часто жаловались на то, что она засыпала прямо за прилавком.

Эрнест обрадовался, что смог найти аргумент, который остановит Эдвина, и теперь самодовольно смотрел на поверженного в споре брата. Но Эдвин так просто не сдавался, по-

думав о матери, он сказал:

– Если я отправлюсь на поиски золота, то тогда у меня будет достаточно денег, чтобы нанять ей хорошего доктора.

– С тобой бесполезно разговаривать. Ты как будто помешан на этой мечте! – раздражённо сказал Эрнест, сморщив лоб. – Делай что хочешь, но советую тебе всё-таки побеспокоиться о матери: если тебя там кто-нибудь пристрелит, она не вынесет потери сына! – после этих слов он ушёл в другую комнату, громко хлопнув дверью.

Тогда Эдвин действительно практически помешался на желании разбогатеть, и когда люди начали уезжать из Нью-Йорка на поиски золота, желание его только увеличивалось. Даже местный парикмахер мистер Уорвик, который всегда подстригал Эдвина, прикрыл свой бизнес и уехал. На улицах то и дело слышались подобные разговоры:

– А куда это подевался мистер Джонс, наш сосед?

– Как куда? Он отправился в Калифорнию!

Эдвин, хоть и слыл среди знакомых самым честным человеком, не выдержал: никому не говоря, он купил билет на поезд до Индепенденса. Чемодан Эдвин собрал тайком ночью, спрятав в одежде все деньги, которые скопил за несколько лет, – двести десять долларов. Укладывая в темноте вещи, чувствовал он себя гадко, точно что-то воровал, но ничего не мог с собой поделывать. Эдвин предполагал, что мать не отпустит его, но в итоге он решил, что ему удастся уговорить её. Дожидаясь утра, он проклинал себя за чрезмерную легко-

мысленность, но потом подумал, что, наверное, самому Господу-Богу угодно, что у него такой характер. Рассвело, и пришла пора поставить в известность мать о своих планах.

Эдвин сел рядом с ней и взял её морщинистые руки.

– Мама, – сказал он, – ты знаешь, о том, что сейчас многие люди уезжают на запад искать золото. Так вот я...

Он запнулся, сильнее сжал её руки и взглянул ей в глаза. По беспокойному взгляду матери он понял, что она сама уже обо всём догадалась.

– Нет, Эдвин, я тебя не отпущу! – чуть ли не закричала она.

– Мама, ты только выслушай. Я решил, что так будет лучше. Я должен отправиться в Калифорнию. Вы же с отцом всегда мечтали о безбедной жизни, чтобы никогда уже больше не думать о будущем.

– Я могу потерять тебя там, я не перенесу этого, – ответила она и сжала губы, точно от боли.

– Поверь, со мной всё будет в порядке. Возможно, что я буду там всего неделю, может быть, мне повезёт, и я найду крупные самородки на несколько миллионов долларов!

– Я даже не знаю, Эдвин. Ведь только Богу известно, какая там жизнь на западе.

– Я знаю, какая там жизнь. Там ищут золото, а золото – это богатство. Знаю, что нужно много трудиться, но я к этому готов. Я понимаю твоё опасение, но я должен ехать... Билет уже куплен, и даже чемодан собран.

После этих слов мать заплакала, она прижала к себе сына и, всхлипывая, проговорила:

– Ты сошёл с ума! Все в этой стране сходят с ума! Все помешались на золоте! Не уж-то бездушный металл отберёт у меня сына?!

Материнские слёзы не могли не задеть сердце молодого человека. Он понимал, как нелегко приходится его матери, по крайней мере, думал, что понимал это. Но внутренний голос продолжал уверять Эдвина, что на Западе с ним ничего плохого не случится. Туда уехало столько его знакомых, и не уж-то все они погибнут? В Калифорнии дела обстоят, наверняка, так же как и здесь, на востоке: никто не может там так просто убить человека, ведь закон запрещает это. Да и если там и вправду далеко не все подчиняются закону, как считает Эрнест, почему же пострадать должен именно Эдвин? Он самоуверенно предполагал, что ни стрела индейца, ни пуля разбойника не достигнут его. И обнимая мать, Эдвин всё также с вдохновением говорил:

– Нет. Всё будет хорошо, я приеду, и мы заживём по-новому. Понимаешь, это прекрасный шанс, и не воспользоваться им я не могу. Я должен ехать.

Но мать Эдвина не могла смириться с его решением. Она выпустила сына из объятий и быстро подошла к двери, что вела на улицу. Загородив собой выход, она как можно твёрже произнесла:

– Я ни за что тебя не выпущу! Я запрю тебя в комнате. Ты

не поедешь в Калифорнию, потому что там тебя убьют!

Но Эдвин всё равно не хотел прощаться с мечтой, он вздохнул, подошёл к матери и снова обнял её.

– Мама, в том, что я поеду на Запад, ничего страшного нет, – успокаивал он её. – Я же буду там не один, там сотни таких же, как я людей. Мы же живём не в каменном веке, где на каждом шагу тебя поджидает опасность, наука развивается, появляются новые технологии, да и люди уже не такие как в каменном веке, никто же не съест меня в Калифорнии!

Мать поняла, что спорить с сыном, который, как и многие её знакомые, грезил золотом, бесполезно.

– Но ты же обязательно вернёшься? – спросила она, казалось, даже не осознавая, что этим вопросом даёт согласие на поездку.

– Обещаю, что вернусь, всего полтора или два года, и я вернусь.

Больше в тот день они не разговаривали, несколько раз ещё мать обнимала Эдвина и плакала.

Через неделю ранним утром Эдвин с матерью отправились на вокзал. Эрнест тогда работал, да к тому же явно не горел желанием провожать наивного младшего брата.

На вокзале, должно быть, толпилось тысяча человек, наверняка, все билеты на поезд до Индепенденса были проданы. Когда поезд, наконец, пришёл, Эдвин поцеловал мать, ещё раз сказал, что обязательно вернётся, и зашёл в вагон.

Эдвин удивился, насколько лёгким выдалось расставание,

и от этого ему стало не по себе. Как только он занял своё место, его посетила мысль выйти из поезда и остаться в Нью-Йорке, но он не стал делать этого. Когда поезд тронулся, все сомнения разом рассеялись. Эдвин выглянул в окно и пома- хал матери...

Теперь он уже прибыл в Индепенденс. Легкомысленный и мечтательный молодой человек, даже немного эгоистич- ный, но при этом добрый, продолжал искать себе группу.

Эдвин шёл дальше по площади. Он приблизился к людям в таких же широкополых шляпах, как и у него, и спросил:

– Можно ли к вам присоединиться?

Один из золотоискателей с густой чёрной бородой обер- нулся к нему.

– Конечно, но вы должны сделать взнос в двести долла- ров, – сказал он, внимательно оглядывая Эдвина.

– Ладно, я согласен, – ответил через несколько секунд Эдвин.

Эдвин приготовил деньги, оставалось только устранить кое-какие формальности. Он обрадовался, что наконец-то нашёл себе компанию для долгого путешествия. Он встал ря- дом с повозками, на которых лежали лопаты и кирки, и при- нялся ждать с остальными, когда в группе наберётся доста- точное количество человек.

Через минуту к ним подошёл высокий мужчина в белой рубашке и коричневых брюках на подтяжках. Он так же как и Эдвин, спросил, может ли он присоединится к этой группе

и, когда ему ответили, что нужно внести двести долларов, тут же согласился.

Затем подошёл ещё один человек, он говорил очень тихо, и его взгляд то и дело метался из стороны в сторону, что показалось Эдвину странным и отталкивающим. Он так же согласился с условиями проводника и присоединился к остальным.

Прошло ещё несколько минут, и к повозкам подошёл человек в очках, сжимавший в руках книгу.

– Вам нужно будет сделать взнос в двести долларов, – ответил бородатый мужчина на просьбу человека в очках.

Человек в очках ненадолго задумался, вероятно, у него не было этих денег. Он сказал:

– У меня, к сожалению, с собой только сто пятьдесят долларов, но я доктор и думаю, что могу быть вам очень полезен в дороге.

Услышав это, проводник, немного подумав, всё же согласился на то, чтобы этот человек вошёл в его группу. Никто не стал возражать, что доктор будет вносить меньше денег: врачи так необходимы в подобных поездках, что их могли взять и вовсе без взноса.

Когда набралось около тридцати человек, проводник сказал будущим старателям, чтобы они следовали за ним. Осталось подписать соглашение и закончить подготовку к поездке.

Эдвин внимательно прочитал данное ему соглашение,

в котором говорилось, что внесённые деньги идут на покупку провизии и инструментов по прибытию в Калифорнию. Прибыль от найденного золота, согласно договору, разделялась поровну среди членов группы.

После ознакомления с договором, все начали погружать на повозки оставшиеся вещи: лопаты, фонари, палатки, еду, котелки для готовки пищи, корм для лошадей. Всё тот же бородатый мужчина показал некоторым членам группы, где находятся конюшни, и они привели оттуда лошадей.

Началось распределение по фургонам, которые представляли собой крытые белым брезентом повозки с округлой крышей. В одном фургоне могло путешествовать до пяти человек, но если кому-то места всё же не хватало, ему предлагали ехать на лошади. Эдвин разделил фургон с тем самым тихо говорящим человеком с метаящимся из стороны в сторону взглядом, каким-то светловолосым человеком и с доктором.

– Я Фрэнк Беннет, – приветливо сказал доктор и подал Эдвину руку.

– Эдвин Холл, – представился Эдвин, крепко пожимая руку Фрэнка.

– Ты из какого города? – спросил доктор, поглаживая лошадь.

– Из Нью-Йорка.

– А я из Балтимора. Я вообще надеялся присоединиться к той группе, в которой есть мои земляки, но меня попро-

сили сделать взнос в триста пятьдесят долларов, мне кажется, это уже перебор! Я сказал, что являюсь врачом, но мне не повезло: у них уже был врач. Но всё же я не расстроился, ведь если ты доктор, то всегда сможешь найти себе место.

– Да, точно, доктора – самые нужные специалисты, – согласился Эдвин.

– А ты, Эдвин, слышал, что некоторые даже приобретали какие-то специальные машины для добычи золота? Они жутко дорогие, но тут, я думаю, важны не современные технологии, а удача.

Фрэнк улыбнулся, и лучи солнца, постепенно покидающего зенит, отразились в линзах его очков.

Эдвин решил, что ему определённо повезло, что он едет вместе с доктором. Фрэнк казался весьма неглупым и отзывчивым человеком, что естественно располагало к нему остальных людей.

К ним подошёл их светловолосый сосед и сказал:

– Меня зовут Томас Митчелл.

Он подал руку сначала Эдвину, а потом и Фрэнку, и они так же представились.

Том Митчелл был высоким и худощавым, его длинные пальцы тут же выдавали в хозяине ювелира.

– Мне кажется, – говорил Том, – надо решить, кто из нас будет управлять лошадью.

– Если честно, у меня это не очень хорошо получается, – признался Фрэнк, поправляя съехавшие очки.

– Тогда я могу, – сказал Эдвин. – В детстве я...

– Слушайте все сюда, – прервал его громкий голос проводника группы, старавшегося привлечь к себе внимание.

Все замолкли и подошли к нему поближе.

– Для тех, кто ещё не в курсе, меня зовут Роберт Рассел, – говорил проводник. – Я майор в отставке, участвовал в Мексиканской войне. И так вот... несколько слов о том, что нас ожидает на западе. Сразу предупрежу: путешествие к приискам не для слабаков. В дороге на нас могут напасть дикие звери или краснокожие, которые жаждут крови. Впереди нас ожидают сотни и сотни миль пути, и мы будем идти через пустыни и болота, может быть, некоторые из вас умрут от какой-нибудь заразы, такое тоже возможно. Я не пытаюсь пугать вас, а говорю о возможных проблемах, с которыми сам сталкивался. Да, далеко немногие вернуться назад, но те, кому удастся сделать это, можете мне поверить, будут миллионерами!

Последние слова Роберта Рассела воодушевили путешественников, и они уже не думали о тех ужасах, о которых говорилось до этого. Конечно, некоторые в очередной раз задумались о серьёзности этой поездки, но они уверили себя, что им повезёт, и ни нападение индейцев или диких зверей им точно не грозит.

– Если вы не трусы, то отправляйтесь в дорогу! – сказал мистер Рассел. Он улыбнулся, сел на лошадь и поскакал к окраине Индепенденса.

Фургоны, называемые иногда «шхунами прерий», тут же устремились за ним. Эдвин вместе с Фрэнком сели на передок фургона, тогда как Том с тем молчаливым тихо говорящим человеком расположился в задней части.

Вскоре деревянные двухэтажные особняки скрылись из видимости, и теперь перед путешественниками простиралась поля кукурузы. Путники отдалялись от Индепенденса, последнего населённого пункта на сотни миль вперёд.

В первые минуты начала этого большого путешествия Эдвина вновь одолели сомнения. Наверное, только сейчас он понял, что, возможно, совершает главную ошибку всей своей жизни. Эдвин вспомнил, как поцеловал на прощание мать, каким до невозможности лёгким оказалось то прощание, и на глазах навернулись слёзы. Люди привыкают, что родители всегда рядом с ними, и бессознательно думают, что так будет всегда, но это, к сожалению, далеко не так. Эдвин понял, на первый взгляд, простую, но всё же невероятно сложную для всех людей истину: родные каждого человека не вечны. Но ведь он говорил, что уезжает ненадолго, что вернётся с деньгами и наймёт хорошего доктора для матери. Но с другой стороны, за это самое «ненадолго» может случиться столько всего... Но почему это что-то должно случаться именно с его матерью или с ним? Нет, всё должно быть нормально, абсолютно нормально.

Эдвин мог запросто догнать мистера Рассела, потребовать назад свои деньги и пешком вернуться в Индепенденс, а за-

тем уехать в родной Нью-Йорк. Ему было всё равно, что о нём подумали бы все эти люди. Если сейчас он не вернётся назад, то в лучшем случае окажется в Нью-Йорке через полтора года. Эдвин подумал о словах мистера Рассела про индейцев, и у него появилось ещё большее отвращение к этой поездке. Но у многих его товарищей имелись ружья, а значит, им нечего бояться индейцев, они благополучно достигнут приисков, а там золото – источник огромного богатства. Мысль о золоте взбодрила Эдвина, и он вскоре забыл обо всех опасностях.

В течение следующего часа сомнения окончательно покинули Эдвина. Стук копыт, ржание лошадей, палящее солнце над головой и надежды на светлое будущее быстро придали этой долгой поездке тот самый романтизм, присущий всем приключениям. Да, Эдвин подумал, что всё это – замечательное приключение, о каком мечтают все молодые люди, приключение всей его жизни.

Глава 2. Общая мечта

Путь будущих старателей проходил по обширной долине, простиравшейся до самого горизонта, где её сменяли высокие горы. Долгая дорога являлась отличной возможностью для каждого узнать больше о своих товарищах, и все рассказывали друг другу разные случаи из жизни и делились предположениями о процветающей Калифорнии.

Эдвин перечислил в уме всех, кого он уже знал. Впереди на лошади ехал проводник Роберт Рассел, рядом с Эдвином сидел доктор Фрэнк Беннет, а сзади ювелир Томас Митчелл и ещё странный молчаливый человек, который совсем не нравился Эдвину.

Из разговоров Эдвин узнал, что этого молчаливого парня, ехавшего в его фургоне, зовут Мэтью Робинсон, что ему тридцать лет, и он, как и остальные, хочет навсегда переселиться в Калифорнию. Мэтью определённо не нравился Эдвину. «В тихом омуте черти водятся», – любил говорить его отец, и это фраза как нельзя лучше характеризовала этого молчаливого соседа.

Также рядом с его фургоном на лошади ехал высокий человек в коричневых брюках на подтяжках, Эдвин узнал, что зовут его Конор Картер. Кожа Конора была смуглой, волосы – чёрными, несмотря на ещё юный возраст около его глаз и на лбу уже образовались многочисленные морщины. Он

имел спортивное телосложение. Речь его отличалась грубостью, но остальные, кажется, даже не замечали этого. Резкие движения выдавали в нём человека очень вспыльчивого, про которых обычно многозначительно говорят: «лучше не попадаться ему на пути». Конор рассказывал разные анекдоты про индейцев и негров, все без исключения громко над ними смеялись.

Эдвину определённо нравилась вся эта компания путешественников.

– Ты, должно быть, ещё не женат? – спросил Эдвина Фрэнк и достал из кармана маленькую флягу с водой.

– Нет ещё, – ответил Эдвин.

– Я тоже. Я в Балтиморе практически жил на работе, даже выходных не брал, постоянно к пациентам ездил, потом ещё к пациентам и ещё. Но знаешь, я заметил, что все эти визиты к больными, их медицинские карты мне надоели страшно. Обычная жизнь определённо не для меня, я не хочу до конца своих дней получать стандартную зарплату врача. И вот поэтому мне и захотелось отправиться в Калифорнию, там уже всего этого не будет. Надеюсь, мне крупно повезёт, найду много золото, а потом куплю особняк в Сан-Франциско, там и женюсь. А у тебя какие планы?

Эдвин ненадолго задумался и посмотрел на горы вдалеке. Он вспомнил, как плакала мать, не желая отпускать его и как пытался переубедить его брат не отправляться в эту поездку. От этих воспоминаний Эдвину стало не по себе, и он даже

поежился, словно от холода.

– Я ещё точно не знаю, – наконец сказал он, – смотря, сколько золота мы сможем найти. В Нью-Йорке у меня осталась мать, я обещал ей, что уеду только на два года, поэтому оставаться в Калифорнии навсегда я не собираюсь. Как только заработаю достаточно денег, тут же поеду назад.

– Нам обязательно повезёт, я знаю! – Фрэнк широко улыбнулся и похлопал Эдвина по плечу, что тут же успокоило его молодого товарища и вернуло ему веру в удачу.

Эдвин обрадовался, что хоть они ещё только начинали путь, а он уже нашёл себе хорошего друга, на которого мог рассчитывать в случае опасности. Вообще-то знакомства с новыми людьми всегда были для него вроде испытаний, которые должен пройти каждый. Эдвин предпочитал сначала хорошенько изучить человека, а уже потом завязывать с ним дружественные отношения. Но с Фрэнком получилось совсем не так. Друзей у Эдвина имелось немного, но зато они были, что называется, настоящими. И ценили они Эдвина больше всего за его честность.

Многие его знакомые считали, что таких честных людей, как Эдвин, днём с огнём не сыщешь. Ещё в детстве, если он что-нибудь случайно разбивал, то никогда не старался это скрыть, а шёл прямо к родителям и рассказывал им всё начистоту. Понятное дело, что Эдвину, как и любому другому ребёнку, не нравилось, когда его наказывали, но он всегда со смирением относился к наказаниям. После наказаний де-

ти из остальных семей, живущих по соседству, обижались на своих родителей, но только не Эдвин, он внимательно выслушивал длинные лекции отца о правильном поведении и уходил в свою комнату.

Являясь кристально честным человеком, Эдвин больше всего боялся в жизни, что его могут по ошибке в чём-нибудь обвинить. Этот страх часто давал о себе знать, когда, например, учительница в школе пристально смотрела на класс, пытаясь выяснить, кто опрокинул цветочный горшок и в других подобных случаях. Эдвину представлялась просто невероятным, чтобы ему когда-нибудь пришлось что-нибудь скрывать.

Эдвин всегда старался во всём находить какую-нибудь выгоду, и его умению делать это позавидовали бы даже политики из Вашингтона. Достаточно было посмотреть, как он ест пирог: Эдвин брал дольку пирога и начинал есть её с корочки. И в этом был смысл: так он съедал сначала невкусную часть, а потом уже приступал к сладкой начинке.

Ещё одно из важных качеств, как нельзя лучше характеризующих Эдвина, заключалось в его любви к экономии. Он всегда старался, что называется, продлить удовольствие, и экономить на какой-нибудь вещи. Так он старался бережно пользоваться водой во время чистки зубов, оставлять на завтра пару штук печенья, хотя, конечно, мог пойти и купить ещё. Родители замечали, что в отношении еды эта чересчур старательная бережливость сына выглядела как са-

мая обыкновенная скупость. Но на самом деле их сын никогда не жадничал, если приходили гости, то Эдвин угощал их, чем только мог. С возрастом эта его бережливость некуда не делась, но она всё-таки не могла сделать из него такого же скрягу, каким Чарльз Диккенс создал Эбенезера Скруджа, хотя именно на Скруджа Эдвин иногда и походил.

Эдвин часто говорил, что никогда не хотел иметь ничего схожего с людьми, каких встречал в Нью-Йорке. Многие из них жили в стареньких домах и, на первый взгляд, практически никуда не стремились, а такой жизни Эдвин не желал. И хоть он и старался быть не таким, как те люди, никакой оригинальности в воображаемой им идеальной жизни не было. Он, как и все, считал, что счастливый человек – это в первую очередь человек не бедный, у которого достаточно денег, чтобы не думать ни о каких связанных с ними проблемами. Он хотел разбогатеть больше всего в жизни, но никогда не задумывался, что бы он делал, окажись у него вдруг мешок денег. Ответ на подобный вопрос кажется ну очень уж очевидным, настолько, что люди даже ни на секунду не задумываются о нём, хотя многие из них в порыве радости наверняка спустили бы все эти деньги на ветер.

– Правильно. Так держать, – говорил отец Эдвина, когда тот рассказывал ему очередной невероятный план того, как сколотить состояние. Но отец, на лице которого начали вырисовываться глубокие морщины, понимал, что скорее всего ничего у его сына не выйдет и скоро вместе с молодостью

мечты о богатстве неминуемо покинут его.

Одним из таких планов в одно время стало участие в скачках. Эдвин с ранних лет жизни обучался конному мастерству и многие с восхищением говорили, что ему нет равного в этом деле во всём Нью-Йорке. На соревнованиях, в которых участвовали спортсмены из всех уголков штата, Эдвин занял второе место. Радости его тогда не было предела, хотя, конечно, он немного расстроился, что отставал от победителя буквально на секунду. Но Эдвин верил, что если он продолжит усердно тренироваться, то первое место ему обеспечено. Так чётко в те времена виделось ему, как он становится знаменитым спортсменом и зарабатывает буквально по тысяче долларов в день. Никогда ещё вера в то, что его мечта сбудется не была так сильна.

Но, увы, уже в следующем соревновании Эдвин не принимал участия, потому что во время одной из тренировок упал с лошади и повредил позвоночник. Мать и отец тогда сильно за него перепугались, но, слава Богу, всё обошлось. Эдвин не мог больше участвовать в скачках и очень расстроивался из-за этого. Отказ от главного увлечения стал одним из самых сильных потрясений в жизни Эдвина, ведь он считал, что именно конный спорт – его путь к успеху, дорога к сказочному богатству. Но, тем не менее, Эдвин всё так же хорошо управлялся с лошадьми, и теперь, во время путешествия в Калифорнию, это умение здорово ему помогало.

Планы Эдвина на счёт того, как сколотить состояние, ни-

когда не касались учебы. Природа не одарила его ни выдающимися способностями к математике, ни феноменальной памятью, ничем-либо другим в этом роде. Он, как и многие дети не любил ходить в школу, где его заставляли полдня просидеть, склонившись над учебниками. Это, пожалуй, лучше всего показывало, как сильно Эдвин отличался от своего старшего брата, который только об образовании и думал. Эрнест хотел поступить в престижный университет, но у их семьи не было на это денег. Попади он туда, его, наверное, уже на первом году обучения называли бы самым лучшим студентом.

– Всё потому, – говорил Эрнест, с досадой думая о будущем, – что в этой стране не важно, что у человека в голове, важно лишь, что у него в кошельке.

Но Эрнест хоть не любил за это свою страну, не желал никуда переезжать. Он отличался от Эдвина ещё и тем, что не любил путешествовать, даже переезд на новый дом казался ему просто невыносимым. А Эдвин думал, что будь у него достаточно денег, он бы совершил кругосветное путешествие, он часто видел во снах, как приезжает в различные страны. Эдвин верил, что когда-нибудь и эта его мечта обязательно должна сбыться...

Время летело очень быстро, Эдвин наслаждался поездкой, и часы теперь для него казались минутами. Впереди виднелась вереница таких же белых фургонов. Оглянув-

шись назад, Эдвин также увидел фургоны путешественников. Если и всю дорогу до Калифорнии эти группы впереди и сзади будут сопровождать их, то тогда и никакие индейцы не страшны. Индейцы наверняка не решаться напасть на такое количество человек.

Фургон Эдвина снова догнал лошадь Конора, который продолжал рассказывать анекдоты. После очередного его рассказа, все засмеялись.

– Откуда ты так много историй знаешь? – сквозь смех спросил его кто-то.

– А ты приезжай в мой город, там много этих черномазых расплодилось, размножаются как тараканы какие-то, – ответил Конор и сплюнул, а после отпил немного воды из фляги.

– Ну, скажешь тоже, тараканы, – слышался чей-то голос, а затем смех.

Конор замолчал, но все знали, что это ненадолго, через минут десять он расскажет ещё какую-нибудь смешную историю.

Иногда к фургону Эдвина подъезжал мистер Рассел, он подбадривал путешественников и делился воспоминаниями о Мексиканской войне. Бывший военный – идеальный проводник, он мог с лёгкостью поднять дух всем членам своей группы и, к тому же, обладал немалым опытом.

– Мистер Рассел, – обратился к нему Фрэнк, – а сколько будет продолжаться наша поездка?

– Где-то около полугода, – быстро отвечал Роберт, – путь

неблизкий, но он того стоит. Калифорния – прекрасное место: плодородная земля, цветы, солнце и, конечно, золото! Вот приедем, и вы всё сами увидите. Жду не дождусь, чтобы на вашу реакцию посмотреть.

– А Вы бывали в Сан-Франциско?

– Спрашиваешь тоже. Конечно, был! Но мне этот город не понравился, там сейчас очень много переселенцев.

Сказав это, мистер Рассел поправил шляпу, взял за узды лошадь и, ускакав вперёд, оторвался от группы, показывая ей дорогу.

С проводником группе Эдвина, определённо, повезло. Ещё когда, они укладывали инструменты и еду, стало ясно, что Роберт очень любит порядок, он привык класть каждую вещь на определённое для неё место. Впечатление о мистере Расселе создавалось, как об очень приветливом человеке, но чувствовалось всё же, что он немного замкнут. Больше всего его, по-видимому, волновало поведение членов группы, отчего он часто говорил:

– Всё зависит от дисциплины... и как быстро мы приедем – то же.

Огненный цветок, именуемый солнцем и украшающий собой небосвод, опускался всё ниже и ниже к земле, чтобы на ещё одну ночь скрыть свою красоту от мира. С гор спускался туман, и становилось прохладно. Эдвин невольно вздрагивал, когда его нагонял ветер, а ведь они ещё даже не достигли пустыни, в пустынях, Эдвин слышал, ночная

температура нередко опускается ниже нуля.

Для первого ночлега они остановились на берегу реки. Несколько человек готовили всё к ужину: наполняли котелки водой и разводили костёр. Все собрались тесным кругом, и каждый, как мог, помогал в приготовлении пищи.

Гул голосов заглушал собой различные звуки, долетавшие из густившихся сумерек. Если прислушаться, то можно было услышать шуршание, доносившиеся из небольшой рощи, или плеск воды в реке. Но если неподалёку и находились какие-нибудь опасные звери, из-за костра, свет которого виднелся далеко отсюда, они бы не решились приблизиться к людям.

Эдвин уже успел познакомиться практически со всеми членами группы, но когда очередь дошла до молчаливого Мэтью, ему не захотелось разговаривать с ним. Даже подойти к Мэтью оказалось для Эдвина непосильной задачей, потому что от того очень неприятно пахло. Черные жирные волосы Мэтью блистали в свете фонаря, от чего думалось, что мылся он в последний раз на прошлое Рождество. «И как, интересно, Том весь день рядом с ним ехал?» – не мог понять Эдвин.

Мэтью в основном общался только с Конором, говорил он тихо, пряча при этом руки за спину. Его бегающий туда-сюда взгляд явно показывал, что Мэтью что-то скрывает, хотя, возможно, он был просто стеснительным, очень замкнутым человеком. Эдвину показалось странным, что Мэтью много

общается с Конором, который мог бы выбрать более интересного собеседника. Эти двое явно не внушали доверия.

Вскоре приготовили ужин, все достали тарелки и подошли к котелку с ещё дымящейся ароматной похлёбкой. Аппетит на свежем воздухе был отменным, и буквально через пять минут от ужина уже не осталось и следа.

Помыв тарелку в реке, Эдвин отнёс её в фургон и вернулся к общему кругу. Мистер Рассел сказал, что пора уже ставить палатки. Фрэнк, Мэтью и Марк, с которым Эдвин познакомился всего несколько минут назад, сходили к одной из повозок и принесли несколько больших палаток, на два человека каждая. Несмотря на то, что палатки быстро поставили, и время было уже позднее, никто не высказал желания отправиться спать.

Конор принёс небольшую керосиновую лампу, Марк – колоду карт. Зажгли лампу, поставили её на походный столик, и Конор позвал всех остальных на игру.

В следующие минуты над столиком склонилось уже около пятнадцати человек, все хотели поиграть, но так как места да и карт хватало далеко не всем, многим пришлось просто наблюдать. Света керосиновой лампы было явно не достаточно, из-за чего игрокам и наблюдавшим за игрой людям приходилось низко наклоняться, чтобы разглядеть карты. Многие хотели сыграть в Блэкджек, но Марк сказал, что лучше в покер, так как карты принадлежали ему, никто не стал с ним спорить.

– Эй, Эдвин, иди сюда, – позвал Эдвина Коноур.

Эдвин с удовольствием присоединился к игре. Но сегодня ему не сопутствовала удача, и он проиграл полтора доллара, но, тем не менее, не очень из-за этого расстроился.

– Что-то мне не везёт, – сказал он, вставая из-за стола.

Эдвин подошёл к уже гаснущему костру и сел на какое-то бревно, найденное на берегу, рядом с Томом, который периодически громко щёлкал пальцами. Они разговорились.

– Так откуда ты? – спросил Том.

– Из Нью-Йорка.

– Бог мой! Я ведь тоже оттуда. А я всё думал, почему твоё лицо мне так знакомо, так мы, наверное, в Индепенденс ехали в одном вагоне, возможно, даже виделись где-нибудь в Нью-Йорке.

– Вполне возможно, – произнёс Эдвин с задумчивым видом, но по правде говоря он не помнил, чтобы видел где-нибудь Тома.

– А чего ты такой грустный? – спросил наблюдательный Том.

– Я?.. – произнёс Эдвин и вздохнул. – Просто я всё думаю о матери. Наверное, я совершил ошибку, отправившись в Калифорнию. Ведь она переживать будет. Она даже отпустить меня не хотела, грозилась, что запрет меня. А я всё равно поехал... Наверное, я и в правду дурак.

Эдвин перестал говорить, удивившись, что только что выдал всё, что скопилось у него на душе, едва знакомому че-

ловеку. Но ему действительно нужно было выговориться, ещё когда его позвали на игру в карты, его снова начали посещать мысли, что нужно вернуться в Индепенденс. Не уж-то его мечта стоит мучительных переживаний близкого человека? Когда он покупал билет на поезд, собирал чемодан, перед его глазами стояла картина того, как он в Калифорнии находит самородок за самородком и чуть ли не пляшет от радости. Мечты о богатстве, глупые, наивные, оглушили его, и он перестал слышать даже мольбы и слёзы собственной матери. Эдвину определённо нужно вернуться, но теперь это сделать сложнее, нежели когда они ещё только выезжали из города.

Том, выслушав Эдвина, смотрел на него теперь с сожалением и пониманием. Его взгляд выдал, что ему знакомо состояние собеседника. Собравшись с мыслями, он сказал:

– Я думаю, что тебе не нужно так переживать. Не пойми не правильно. Но ты же сможешь попросить кого-нибудь, кто поедет назад на Восток, передать письмо твоим родным, наверняка, найдётся человек, который согласится сделать это. У меня, кстати, тоже остались родные в Нью-Йорке.

– Правда?

– Да, да. Я год назад развёлся с женой, с ней живёт моя дочь. Если бы не проблемы с деньгами, я бы не отправился на Запад. Я понял, что это хороший шанс заработать побольше денег. Дочь – единственный человек, который держал меня в Нью-Йорке, очень её люблю и знаю, что теперь, согласившись ехать на Запад, рискую никогда не увидеть мою

Мегги, если вдруг умру там. Но я так же рискую её не увидеть, потому что моя бывшая жена хочет переехать в другой город, она часто грозилась сделать это. А у меня просто нет денег на переезд.

История Тома тронула Эдвина.

– А сколько лет твоей дочери? – спросил он.

– Семь, – ответил Том, устремив взгляд куда-то вдаль.

Из-за спины всё ещё доносились возгласы игроков в покер, но они уже начинали постепенно утихать.

– Думаю, надо идти спать, – сказал Том, взгляд его прояснел, и в голосе больше не слышались те грустные ноты, какие были всего несколько минут назад. – Единственное, что нам остаётся, Эдвин, это надеяться. Может это глупо, не знаю. Но правда, раз уж мы согласились ехать в Калифорнию, то должны надеется на лучшее. Я верю, что уже через полтора года мы с тобой вернёмся в Нью-Йорк богатыми людьми! А сейчас нужно идти спать. Как говорила моя бабушка, утром думается лучше, чем вечером.

Том поднялся со своего места и вполголоса пропел известную песенку:

О, Сюзанна, не плачь обо мне,
Я еду в Калифорнию
с промывочным лотком на коленях!

Эдвина поразила положительный настрой Тома. Он поду-

мал, что тот действительно оказался прав, что они обязательно вернуться, иначе просто быть не могло. Они вернуться уже далеко не бедными людьми и заживут совершенно по-другому, нужно просто набраться терпения. А в Калифорнии Эдвин и правда сможет с кем-нибудь передать письмо матери. Сейчас Эдвину его положение казалось не таким печальным, каким представлялось до этого.

Эдвин широко зевнул, отправился ближе к палаткам. Его ждало много ещё таких дней в дороге. Он представил себе, как завтра они опять будут ехать, разговаривая друг с другом, смеяться над шутками Конора, и всё будет хорошо, всё будет просто замечательно.

Глава 3. Очередь на переправу

Эдвина разбудил звук выстрела.

– Что это? – тихо спросил он.

Он быстро поднялся, но, выскочив из палатки, понял, что зря испугался. Перед ним стоял мистер Рассел, державший в руках ружьё. С задором в глазах он наблюдал, как поднимаются члены его группы, и смеялся над их недоумением:

– Видели бы вы себя! А ведь теперь каждое утро так вставать будете.

Эдвин подумал, что наверняка понадобится много времени, чтобы привыкнуть, что ружейный выстрел заменит теперь для них крик петуха по утрам, но, известно, что человек ко всему может привыкнуть.

Сонные путешественники потягивались, зевали, но, вспомнив, что чем раньше они продолжат путь, тем раньше приеду, шли к фургонам. И вскоре группа снова пустилась в дорогу.

Путь переселенцев на Запад лежал вдоль реки Плат. Она, как нить Ариадны, указывала дорогу будущим старателям в начале Калифорнийского пути. Прохладный ветер на берегу реки бодрил путешественников и, словно задумав с ними игру наперегонки, заставлял ехать их быстрее и быстрее.

Как только Эдвин и Фрэнк уселись на передок их фургона, Фрэнк завалил своего друга вопросами о Западе. Его ин-

тересовало, и как Эдвин представляет себе прииск, и сколько, по его мнению, платят за самородки, и многое другое.

– А хочешь я тебе расскажу, Эдвин, как будет выглядеть мой особняк в Сан-Франциско? – начал вдруг Фрэнк, почесав нос. – Я думаю, он будет трёхэтажным и с колоннами. Я вообще-то люблю этот стиль, как его?.. А, ампир. И особняк будет белым-белым, а в большом холле будет круговая лестница. И вот когда я разбогатею и куплю такой особняк, и зайду в него, то, наверное, скажу: «Святые угодники! Не уж-то это всё моё?!» Да... так, наверное, и скажу...

Фрэнк замолк и, ещё раз почесав нос, глубоко задумался, по-видимому, он представлял свой будущий шикарный дом.

Эдвин, уставший от разговоров, молча управлял лошадей, оказавшейся намного послушнее, чем у его товарищей. Он то и дело поглядывал по сторонам, любясь открывающимися перед ним видами. Иногда в белом песке, омываемом рекой, он замечал, что что-то блестит на солнце. Это на свету переливались ракушки, хоть и не такие большие, как на морском побережье, но по-своему красивые. Эдвин замечал, как над ними пролетают какие-то птицы, каких он никогда не видел на Востоке. Прекрасные виды, сочетающие в себе то горы, то долины, дух приключений, надежды на светлое будущее воодушевляли Эдвина и заставляли его думать, что если так пройдёт всё это путешествие, то он, должно быть, даже его и не заметит.

Разговоры были единственными развлечениями в пути.

Но о чём бы путешественники не начинали говорить: о политике или положении рабов на плантациях, – их обсуждения и споры рано или поздно неминуемо касались Калифорнии и добычи золота.

Каждый имел своё представление о золотых приисках, и, проезжая сейчас удивительно красивые места, многие, как и Фрэнк, не думали о великолепии природы, которое открывалось перед ними, а мечтали о богатой драгоценным металлом стране. Мечта хоть и дарит новые силы человеку, но при этом она способна ослеплять его и делать практически бесчувственным. Так и случилось со многими путешественниками, они подгоняли лошадей, чтобы как можно быстрее добраться до заветного края и действительно верили, что им по плечу абсолютно любая преграда. Мечта дарила им примерно такие же крылья, какие появляются у влюблённых, спешащих на встречу друг другу, и, расправив эти крылья, будущие старатели спешили к своей цели, подгоняемые ветром с реки Плат.

Эдвин ехал и слушал, что говорят другие. Конор, вопреки его предположениям, за сегодня не поведал ни одной смешной истории, он рассказывал Марку и ещё нескольким товарищам о своей жизни.

– Я вообще-то из Нового Орлеана, – сказал Конор и поправил съехавшую на бок шляпу.

– Ну, слышали, слышали такой город, и что теперь? – произнёс Марк и широко улыбнулся, показав на редкость ров-

ные зубы.

Выделяли его на фоне остальных путников не только идеальные зубы, но и рыжий цвет волос, хорошее зрение и развитая моторика. Эдвин не мог не заметить, как накануне вечером Марк ловко тасовал карты, точно учился этому с рождения. Да и ещё Марк оказался очень внимательным человеком: он единственный заметил, что Конор попытался сжульничать в покере, спрятав одну карту.

– Отец мой владел большой плантацией и кучей черномазых, – продолжал Конор. – Целый посёлок этих негров был. Встаёшь, значит, по утру и отправляешься смотреть, как черномазые собирают хлопок. Красота необыкновенная! Думаешь, как же чертовски хорошо, что ты белый! Если настроение плохое можешь и за кнут взяться, я так всю злость на неграх вымещал, и по мордам их бил и по задницам. Красота, одним словом. Красота!

Конор прекратил рассказ, сплюнул и отпил воды из фляги.

– Ну, а сейчас-то где эти твои «черномазые»? – спрашивал Марк, всё так же широко улыбаясь.

– Продал я их, когда папаша помер. У него долгов скопилось немерено, поэтому и пришлось их на рынок свести. А так если бы отец в долги не влез, то, конечно, оставил бы. Только уж, наверное, чокнутый откажется от целого посёлка негров. Делать можешь с ними что хочешь, наказывать, как хочешь. Один, помню, тогда пытался сбежать. Так что дума-

ете? Я ему вслед пустил собак, хороших таких, специально на негров натасканных, так и мокрого места от этого беглеца не осталось! Нет, у каждого, я считаю, должны негры быть, в современном мире, это, как говорят, не роскошь, а необходимость.

– Ну, наверное, ты прав, прав, – заключил Марк.

– А вот вообще, что такое негры, если поразмыслить? – спросил Конор. – А так низшие создания, животные, можно сказать. Бегают вот они в Африке по лесам от зверей, а так их хоть сюда, к нам, настоящим людям, привозят. Уж я думаю, собаки намного лучше негров. Я собак очень люблю. С детства. Они и на охоте просто необходимы, и вообще людям нужны. Я вот один раз сам вылечил пса! Он лапу поранил, и я каждый день ему повязки менял... но негры... негры, конечно, нам необходимы...

И Конор продолжал вспоминать все прелести жизни на плантации, но Эдвин его уже не слушал.

Так прошёл не один час: все дружно что-нибудь обсуждали или слушали размышления Конора о том, что каждому уважающему себя человеку, как он выразился, нужно обязательно иметь небольшую деревушку с неграми. Каждый думал, что за разговором время пролетит незаметно, так, наверное, оно и было бы, если не одно «но».

Вскоре после рассказа Конора перед путешественниками открылась весьма странная картина. Многие из тех, кто всецело погрузился в мечты о Калифорнии, её, наверняка, не за-

метили бы, если бы о происходящем увлечённо не начали спорить их товарищи. На горизонте явно вырисовывалась огромная толпа.

– Что это там такое? – спросил Фрэнк Эдвина и, прищурившись, внимательно посмотрел вперёд.

– А чёрт его знает, чего они там стоят, – сказал Марк.

Дело было в том, что река Плат, к сожалению, текла не ровно по Калифорнийскому пути, она его пересекала. И столпотворение, которое увидела группа Роберта Рассела, оказалось ничем иным, как огромной очередью на переправу, длиной явно не в один километр.

Путешественники подъезжали к очереди всё ближе и ближе, и с каждым метром их удивление тому, насколько она огромна, увеличивалось. Эдвин, Марк и все остальные как не вглядывались, так не смогли увидеть, где начиналась эта очередь. Люди, лошади, фургоны стояли длинной извилистой полосой. При виде такого столпотворения на всех без исключения нашло уныние, ведь многие надеялись, что они напрямик до золотых приисков будут ехать как можно быстрее, и ветер с реки будет подгонять их. В их представлении просто не существовало какой-то там переправы, и сейчас они сильно разочаровались, словно игроки в «Бинго», которым до выигрыша осталось заполнить одну-единственную цифру, но кому-то удалось сделать это раньше. Только разочарование это было намного сильнее, чем у игроков.

Один мистер Рассел сохранял спокойствие, он вниматель-

но оглядывал очередь, членов группы, и думал, что делать дальше. Все смотрели на него с надеждой и ждали, что он скажет. Собравшись с мыслями, Роберт произнёс:

– Что ж, боюсь, нам ничего не остаётся, кроме того, как ждать. Думаю, вы прекрасно понимаете, что только дождав-шись нашей очереди, мы переправимся через реку.

Мистер Рассел старался говорить как можно более убедительно и твёрдо. Но далеко не всем нравилось эта его невозмутимость, казалось, он просто смирился с тем, что придётся, Бог знает сколько, простоять в длиннющей очереди. Такое его поведение многих раздражало, и больше всех Конора.

– Вот же чёрт! – воскликнул Марк.

– Господи, да за что же такое наказание?! – чуть ли не простонал Том.

– Святые угодники! – вздохнул Фрэнк.

Около четверти часа они просто стояли и обдумывали происходящее. Всем хотелось поверить, что этой длинной очереди не существует, что это просто шутка, мираж, который через минуту пропадёт, и они снова продолжат путь как ни в чём не бывало.

Конор ускакал на лошади куда-то вперёд и отсутствовал в течение получаса, вероятно, он общался с теми, кто приехал сюда раньше его группы. Когда Конор вернулся, по выражению его лица стало понятно, что он очень рассержен, даже с лошадыю он теперь обращался грубее, чем ещё час назад.

– Дело – дрянь! – заключил он и сплюнул.

Эти слова моментально привели путников в ещё большее замешательство. Они ругались, проклинали переправу и реку, которой проклятий досталось больше всех. Послушав некоторых, можно было подумать, как будто река виновата в том, что и течёт здесь и в том, что она слишком широкая и глубокая, из-за чего её не перейти вброд.

– Тихо! Тихо! – попытался успокоить всех мистер Рассел. – Каждый должен понять, – говорил он, – что мы будем ждать столько, сколько потребуется. Другого выбора у нас просто нет. Самое главное – дисциплина.

Наступила тишина, Роберт подумал, что он смог успокоить группу, но не тут было.

– И ты хочешь, что мы во всё это поверили?! – раздражённо воскликнул Конор, слезая с лошади.

– Что? – спросил мистер Рассел.

– Ты хочешь, чтобы мы во всё это поверили? – повторил Конор. – Я лично не верю, что нам обязательно нужно стоять в этой дурацкой очереди.

– Мы вынуждены! – сквозь стиснутые зубы прошипел Роберт.

– Знаете, что, мистер Рассел, хватит нас дурить! – произнёс Конор и подошёл к Роберту, тыча в него пальцем. – Ты считаешь, что все мы здесь дураки? Нет, ошибаешься. Ты прекрасно знаешь, что есть другой путь, более короткий, на котором нам не придётся пересекать реку. Знаешь же!

– Сходить с Калифорнийского пути опасно, – всё так же невозмутимо отвечал мистер Рассел, смотря прямо в глаза Конора. – Если мы срежем, то, скорее всего, попадём прямо в руки индейцам. Ещё раз повторяю: мы двигаемся по Калифорнийскому пути, потому что по нему идут все старатели, потому что он безопасный.

– Какая к чёрту разница, безопасный он или нет, – не унимался Конор, – если нас индейцы схватят, то это может произойти где угодно, и мы просто так стоять не будем!.. Когда я общался с теми дураками, которые дожидаются своей очереди на переправу, я узнал, что некоторые из них ждут уже неделю! *Неделю!* А за это время сколько бы они смогли пройти, если бы решили срезать? Подумайте-ка, сколько?! Точно не одну милю.

– Только идиот будет срезать!

– Только идиот будет куковать здесь целую неделю! Ни для кого не секрет, что количество старателей на Западе растёт каждый день, каждый час: кто на повозках приезжает, кто на кораблях плывёт. И пока мы будем здесь торчать, те, кто посообразительнее, срежут, и доберутся раньше нас, а значит и золото им достанется больше, чем нам!

– Мы будем ждать, потому что я так сказал! – процедил сквозь зубы Роберт, что ещё больше разозлило Конора.

Конор отошёл немного назад, не сводя глаз с мистера Рассела. Он в очередной раз сплюнул, на этот раз у него получилось сделать это чересчур демонстративно, как будто он це-

лилась в лидера группы. Конор огляделся, чтобы убедиться, что остальные смотрят на него и ждут, что же будет дальше.

– Послушайте-ка, парни, что я предлагаю, – громко сказал Конор. – Мне кажется, что нужно устроить голосование, и если большинство будет за то, чтобы срезать и не торчать здесь лишнюю неделю, мы так и поступим. Если же нет – мы будем терпеливо дожидаться своей очереди, как того хочет наш многоуважаемый мистер Рассел.

Конор говорил всё это с ухмылкой на лице, продолжая в упор смотреть на Роберта, так, наверное, смотрит мальчишка на погибающего по его воле паука. Конор знал, что его приятели проголосуют за то, чтобы продолжать путь, а не стоять в очереди.

Казалось удивительным, что никто не заступился за мистера Рассела. Все: Мэтью, Марк, Том, Фрэнк и другие, – просто стояли и наблюдали за этим противостоянием между лидером группы и Конором. Нет, они вовсе не хотели, чтобы мистер Рассел, который и организовал эту поездку, потерял свой авторитет и, конечно, не ставили перед собой цель унижить его. Виной этому бездействию, этому странному безразличию являлось золото. Золото – цель всех, отправившихся в это путешествие, и чем быстрее им удастся добраться до месторождения заветного металла, тем лучше. Люди всегда желают богатства, в этом случае их можно сравнить с гномами, которые всеми силами охраняют свои подземные сокровища. Но важно помнить, что люди всё-таки не сказоч-

ные существа, а жизнь совсем не похожа на сказку.

– И так, – произнёс Конор, выдержав довольно длинную паузу, – все, кто хочет продолжать путь, поднимите руку.

Не успел он договорить, как некоторые уже устремили высь руки. В основном те, кто часто разговаривал с Конором, такие как молчаливый Мэтью и Марк. Но через несколько секунд проголосовали и остальные: поднял руку и Том, потом Эдвин и Фрэнк, который постоянно поправлял очки, вероятно, от волнения.

Сначала Эдвин не хотел голосовать за вариант, предложенный Конором, он думал, что будет на стороне мистера Рассела. Но Эдвин вспомнил, что он обещал матери как можно скорее вернуться, а если он быстрее доберётся до приисков, значит и быстрее вернётся в Нью-Йорк.

– Ну что ж, – всё так же с ухмылкой говорил Конор, – большинство проголосовало за то, чтобы срезать, значит, мы, не теряя ни минуты, продолжим путь. Вам ясно, мистер Рассел?!

Роберт, старавшийся до этого смотреть в глаза Конора, отвёл взгляд в сторону. Так и осталось неизвестным, что он думал.

– Хорошо, я и без слов вас отлично понимаю, – сказал Конор. – Все по фургонам! Мы едем дальше! И так здесь, наверное, больше часа уже стоим. Вы не волнуйтесь, мистер Рассел, вы всё так же будете показывать нам дорогу, как и до этого.

Все устроились по местам и поехали прочь от реки Плат и громадной очереди. Роберт, как и раньше ехавший самым первым, заметно помрачнел и будто бы даже немного сгорбился. Зато Коно́р, чувствовавший себя победителем, горделиво зади́рал нос.

– До встречи, придурки! – крикнул он продолжавшим стоять в очереди людям. – Счастливо оставаться!

Они отдалялись от очереди всё дальше и дальше, снова мечта подарила путешественникам крылья, и они старались ехать быстрее, снова минуты начали казаться секундами, а часы – минутами. Большинство уже утверждало, что на самом деле хорошо, что у них хватило ума срезать, что мистер Рассел, скорее всего, перегнул палку, ему следовало сразу согласиться с Коно́ром, а не ждать начала голосования.

Но приятели Коно́ра много чего не знали о нём, они не гадали о том, что может скрывать этот человек. Много тайн крылось в его тёмном прошлом. Ещё несколько часов назад Марк, разговаривая с Коно́ром, не мог не заметить, что он нелестно отзывается о своём отце. А дело в том, что его отец, перебрав со спиртным, приказал как-то одному негру хорошенько высечь Коно́ра. Именно после этого унижительного наказания он понял, какое это удовольствие бить негров. Приятели Коно́ра не знали, что не прошло и нескольких месяцев после его свадьбы, как ему пришлось развестись с женой, с которой он постоянно ругался. Все эти случаи вызвали у Коно́ра только ненависть, сделали его грубым и же-

стоки. И, наконец, никто не догадывался о том, что хотел сделать Конор, как только окажется в Калифорнии, никому даже в голову не приходило, рядом с каким человеком они находятся...

Глава 4. Обстановка накаляется

Путешествие продолжалось. Путь, по которому теперь двигалась группа Рассела, не казался опасным, по крайней мере, пока. Конор ещё несколько дней после того противостояния между ним и Робертом, напоминал всем, что как же замечательно, что они всё-таки срезали. Многие, в частности такие, как молчаливый Мэтью и Марк, хвалили его после каждого упоминания о переправе. Ощущение преимущества перед остальными, осознание того, что они достигнут приисков раньше, чем «те придурки из очереди», как выразился Конор, создавали у них некое чувство эйфории и больше расслабляли их.

Горы остались далеко позади путешественников, теперь их всё чаще окружали леса, сменявшиеся иногда огромными лугами. Становилось теплее, что говорило о том, что нежная весна постепенно уступает место жаркому лету. Каждый день на небе ярко светило солнце, ни одна тучка не смела его заслонить. Один только раз путников застал дождь, да и то недолгий.

Так же быстро, как вокруг изменялся пейзаж, менялись и сами путешественники, и некоторых теперь даже невозможно было узнать.

Например, Мэтью стал больше общаться с остальными. Он поведал, что он сын известного на востоке пианиста, что

у него, как и Конора, имелось много рабов, но Мэтью разочарился, продал их и отправился на поиски золота. Говорил он теперь громче и меньше бормотал себе что-то под нос. Также Мэтью уже не старался спрятать за спину руки. Исчез его бегающий туда-сюда взгляд.

Что касается Марка, то он теперь зачем-то старался как можно громче разговаривать с Конором и смеяться над его историями, будто хотел, чтобы непременно все знали о его хороших отношениях с тем, благодаря кому они доберутся до золота быстрее. С его лица всё также не сходила широкая улыбка. Но если раньше Марк улыбался только ради того, чтобы похвастаться на редкость ровными зубами, то сейчас его улыбка действительно стала искренней.

Но не все радовались. Чем дольше они ехали по короткой дороге, тем больше волновался Фрэнк. Он то и тело каждый пять минут протирал очки и чесал нос, что означало, что он не на шутку встревожен.

– Сейчас бы я сидел у пациента, слушал жалобы и мерил температуру, – говорил он каждое утро сидящему рядом Эдвину. – Да, сидел бы и мерил температуру, сначала у одного, потом у второго и так далее... просто бы мерил температуру.

После таких слов Фрэнк в очередной раз начинал чесать нос, затем немного отпивал из фляги, протирал очки и смотрел вдаль, пытаясь не волноваться. Такое его поведение сильно озадачивало Эдвина, ещё когда только они знако-

мились Фрэнк выглядел более спокойным человеком, больше всех, наверное, уверенным в свою удачу на приисках.

– Ты же говорил, что обычная жизнь не для тебя, – напомнил как-то ему Эдвин их разговор в день знакомства.

– Говорил. Но не знаю, может я ошибся, – быстро ответил Фрэнк. – Мерить температуру, слушать жалобы, выписывать рецепты – все эти занятия хоть и кажутся скучными, но в то же время они очень спокойные. Сам посуди, из спален пациентов на меня же не выбегут индейцы с копьями.

В течение следующих двух часов Фрэнк молчал, полностью сосредоточившись на созерцании небольшой чащи, видневшейся вдаль. Когда он смотрел вдаль, то мысленно перемещался в родной Балтимор, в котором многие люди нуждались в медицинской помощи.

Беспокойство Фрэнка, подобно чуме, передалось в итоге и Эдвину. Он начал замечать, что его одолевало странное волнение, когда они останавливались на ночлег не далеко от какого-нибудь маленького леса, откуда слышались различные звуки, издаваемые ночными животными. А один раз даже какое-то дерево на горизонте показалось ему индейцем.

Перемены не прошли стороной и Тома. Он полностью отказался от своей привычки щёлкать пальцами. Теперь он отличался непонятно откуда взявшейся сонливостью, он зевал раз десять на дню точно. А ещё Том заметно побледнел, и так же, как и Фрэнк, полностью растерял весь энтузиазм

и веру в удачу. Он часто переспрашивал, когда разговаривал с кем-то и мог совершенно неожиданно поменять тему разговора.

Что же касается мистера Рассела, то он уже меньше подбадривал всех остальных. Хоть и заметно было, что он не на шутку переживал по поводу своего авторитета, который чуть не растерял в споре с Конором, Роберт всё же старался скрыть своё волнение, что получалось не всегда.

Удивительно, как по-разному люди способны переживать одни и те же ситуации! Пока одна часть группы Рассела была опьянена удачей, что они всё-таки двигаются по короткой дороге, а значит и приедут быстрее, остальных не покидали мысли о том, что их поджидает опасность. Плохое предчувствие нередко приводило к бессонным ночам, во время которых путешественников покидали мечты о Западе и мучили воспоминания о Востоке. Но они помнили, что сами проголосовали за то, чтобы отправится по короткой дороге, их ведь никто не просил поднимать руки. Но теперь, если бы они могли вернуться в тот день, то уже бы точно послушали мистера Рассела. Но, к сожалению, было поздно что-либо менять, слишком поздно.

И вот случилось как раз то, что было способно прогнать эйфорию у приятелей Конора, и чего так опасался Фрэнк. На горизонте показалось по меньшей мере десятка два индейцев.

– Смотрите, смотрите же, – запричитал толстяк Дуглас,

первым заметивший краснокожих.

Сначала все впали в замешательство. Лишь те немногие, кто не обладал достаточной остротой зрения, озадаченно переглядывались и рассеянно шептали:

– Да что там такое? Что?

Потом воцарилась тишина. Каждый, затаив дыхание, смотрел на краснокожих людей в пёстрых нарядах и с воткнутыми в волосы большими перьями. Индейцы в свою очередь не сводили глаз с путешественников. Индейцы были гораздо опаснее диких зверей, живущих по инстинктам. И даже смелый, уверенный в себе Конор, которого так прославляли в последние дни, вдруг побледнел и передёрнулся, будто от холода. Этот «смельчак» внимательно оглядывал краснокожих и, наверняка, молился, чтобы только не с него сняли скальп, а с кого-нибудь другого.

Мистер Рассел, будучи опытным в подобных делах, один сохранил самообладание. Он терпеливо ждал, приближая к глазам бинокль.

– Что им нужно? – спросил Марк.

Этот вопрос он мог даже не озвучивать, потому как все до одного думали о том же. Молодые путешественники особенно пытливо вглядывались в индейцев, предки которых когда-то помогли европейцам освоиться на этом континенте и которые теперь вынуждены терпеть главенство белого человека.

– Может, им показать вот эту штуку в действии? – зага-

дочно произнёс Конор и медленно вынул пистолет.

– Даже не думай! – твёрдо сказал мистер Рассел и ещё раз взглянул в бинокль. – Если выстрелишь, то нам точно несдобровать, они ещё и стрелы в ход пустят, тогда твоя эта штука никак не поможет.

Конор спорить не стал и с досадой убрал пистолет.

– Матерь Божья! – чуть слышно прошептал Фрэнк, вдруг соскочил с передка, и, обойдя фургон, залез внутрь его.

– Ты что там спрятаться решил? – догнал его вопрос Конора.

Но через минуту Фрэнк вышел с листком бумаги и карандашом в руках. Прижав листок к стене фургона, он начал что-то быстро записывать. Его рука, державшая карандаш, дрожала.

– Что ты делаешь? – спросил его Марк.

Фрэнк отвлёкся от своего занятия и быстро ответил:

– Ясно что – пишу завещание. Лучше бы вы тоже писали.

– Вот же чудак! – протянул Марк, но не засмеялся, сейчас было не до смеху.

Закончив писать, Фрэнк, как и все остальные, устремил взгляд на краснокожих.

– Они не решаться напасть, – говорил Роберт, – обычно индейцы нападают ночью и перерезывают спящим горло. Вот если бы они настигли нас, когда мы остановились на ночлег, и дежурный бы задремал, то, я думаю, далеко не все бы выжили.

Мистер Рассел выдал всё это совершенно непринуждённым тоном. Собранность и спокойствие Роберта удивили каждого путешественника. В его самообладании чувствовалось какое-то равнодушие. Но, может, так только казалось. Может, это его равнодушие, с каким он говорил, что многие из них могли бы быть уже мертвы, приди эти индейцы ночью, есть та черта характера, которая приобретается вместе с опытом, когда часто сталкиваешься с тем, что другим бы показалось просто ужасным, но для тебя это уже обыденно. Так, например, наёмные солдаты не будут бояться звука свистящих пуль, потому что они слышат его каждый день. Они хорошо знают, что ту пулю, которой суждено поразить именно их, они не услышат. Поэтому свист пуль для них – радость, означающая, что пока жизнь продолжается.

Новость, что многих уже могло бы не быть в живых, поразила абсолютно всех. Тут же послышалось несколько шепчущихся голосов, выражавших полный ужас. Эта встреча с краснокожими, возможно, была только первым испытанием и, может быть, как раз в следующую ночь кому-нибудь перережут горло, кто-то умрёт, так и не исполнив своей заветной мечты. Бессонные ночи теперь точно гарантированы всем, и в этот раз спать многие не будут не из-за того, что они тоскуют по Востоку, а потому, что им будет просто ужасно сложно закрыть глаза, думая об индейцах с острыми ножами. В начале пути никто не боялся индейцев, всем казалось просто непостижимо, что они могут настигнуть их, казалось,

что этого точно с ними не случится, но сейчас, когда племя краснокожих виднелось вдалеке, вдруг все эти страхи стали реальными.

Но вскоре, вглядывающийся вдаль Том, забывший с появлением индейцев о своей сонливости, произнёс:

– Смотрите, кажется, уходят.

Действительно, индейцы, потерявшие всякий интерес к группе белых людей, которые сейчас не представляли никакой опасности, повернули своих лошадей и медленно удалялись. Совсем скоро на мили вокруг снова никого не осталось, кроме группы Рассела. И хотя те, кто мог причинить вред, исчезли, потрясение от встречи с ними длилось ещё минуту. Вокруг всё застыло, и только ветер как ни в чём не бывало продолжал разносить по земле крохотные песчинки.

– Едем дальше! Ну, чего ждёте? – раздался голос Роберта, на фоне тишины он прозвучал как раскат грома.

Все оживились и побрели к фургонам. Никто ещё не успел отойти от того шокирующего заявления мистера Рассела, что они могли быть уже мертвы. Но при этом каждый старался тщательно скрыть страх.

Эдвин видел индейцев в первый раз, это событие точно навсегда останется в памяти. Его также теперь сковывал страх, но он вспомнил первый день, когда мистер Рассел ясно сказал, что далеко не все вернуться назад, что их могут настигнуть индейцы. И теперь следовал вопрос: разве их

не предупреждали?! Конечно, их предупреждали, но почему тогда многие, в том числе и Эдвин, пропустили всё мимо ушей? Ну да, точно, им было не до этого. На уме у них было золото и ещё раз золото. Каждый любил золото, как мифический царь Мидас. Лучшего сравнения, наверное, не найти. Мидас так сильно желал быть богатым, что попросил богов, чтобы те даровали ему возможность превращать в золото всё, к чему он прикоснётся. В итоге Мидас умер от того, что не смог есть: вся еда превращалась в золото. Вполне возможно, что многих, отправившихся на Запад людей, ждёт не менее трагическая участь, их где-то уже поджидает смерть.

Они скрывали страх не потому, что не хотели выглядеть слабаками в глазах товарищей, а потому, что страх этот выглядел бы просто глупым. В голове звучала фраза: «И не смейте говорить, что вас не предупреждали! Не смейте!» И правда, если бы кто-нибудь устроил истерику по поводу того, что он никак не ожидал, что их поездка таит в себе столько опасностей, ему пришлось бы довольствоваться лишь укоризненным взглядом Роберта, спрашивающим: «А разве я вам не говорил об этом?» И нечего тут утверждать, что во всём виновата мечта разбогатеть, которая повела всех неведомо куда. Нужно называть вещи своими именами. Это не мечта, это самая обыкновенная жажда денег, желание заполучить их любой ценой.

Встреча с индейцами опустила с небес на землю всех

расхрабрившихся приятелей Конора, всеми без исключения овладела задумчивость, продолжавшаяся слишком уж долго. Только один раз Конору удалось ненадолго вывести всех из подобного состояния: вечером того же дня, когда компания наткнулась на индейцев, он решил подшутить над Фрэнком:

– Ну что, Фрэнк, куда ты теперь денешь своё завещание, а?

Фрэнк молчал, на лицах остальных появилась лишь лёгкая улыбка, но затем она исчезла, и снова все погрузились в задумчивость.

Странности в поведении Тома становились всё более заметными, и Фрэнку, наблюдавшему за ним больше остальных, стало ясно, в чём причина подобного поведения Тома. Том не на шутку заболел, отрицать этого не было смысла. Фрэнк несколько часов бормотал себе под нос симптомы Тома:

– Сонливость, слабость, озноб, тошнота, головная боль.

Эдвин внимательно его слушал, но когда в ход пошли медицинские термины, неизвестные ему, он отказался от этого занятия.

Фрэнк продолжал бормотать, мысленно открывая в голове большой справочник болезней и пытаясь вспомнить, не встречал ли он похожие случаи. Когда Фрэнк заметил, что Томом овладели судороги, он наконец всё понял.

– Малярия, конечно, малярия, – пробубнил он.

Том теперь всё время лежал в фургоне, а Фрэнк – ухаживал за ним. Фрэнку больше некогда было предаваться мучительным воспоминаниям о Балтиморе и думать об индейцах или о какой-то другой опасности. Поэтому он быстрее остальных вышел из состояния задумчивости и погружённости в себя. Даже в свободное время он размышлял о здоровье больного.

Всем хотелось знать, как самочувствие Тома, но в фургон, в котором тот лежал, Фрэнк строго запрещал заходить. При этом Фрэнк также не был многословен в обсуждении болезни Тома. Но по его спокойствию, собранности, что выражало профессионализм, все понимали, что этот человек знает, что делает, и что пока волноваться нечего.

Так как мысли путешественников вертелись в основном около заболевшего товарища, никто не замечал странную перемену в Коноре.

– Чёрт! Как же всё надоело! – ворчал он и с каждым сказанном слове «чёрт» возмещал злость на лошади.

Конор стал как-то чересчур нервничать, он мог ни с того ни с сего обругать кого-нибудь. Но устраиваемые им представления чаще сопровождались либо недоумением, либо улыбками, и не приводили в итоге к цели Конора, какой бы она ни была. Даже один из его дружков, Марк, удосужился участи быть с головы до ног облитым словесными помоями, которые приготовил для него Конор: кажется, Марк что-то не то сказал, а затем пошло-поехало. Мистер Рассел же

не обращал особого внимания на Конора, но до этого пристально за ним приглядывал.

Конор больше остальных выказывал недовольство одним чересчур религиозным путешественником Лукасом. Лукас уже не одну неделю твердил всем, что каждую субботу группа должна непременно отдыхать.

– Вы забыли что ли, что есть такая заповедь «Помни день субботний, чтобы святить его»? – спрашивал он. – В седьмой день недели люди не должны работать, «ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и всё, что в них, а в день седьмой почил»!

– Заткнись, не будем мы из-за тебя дни терять, мы должны двигаться быстрее, – говорил ему Конор.

– Помни и святи день субботний! – всё равно повторял Лукас.

Конор захотел затеять с ним драку, но мистер Рассел помешал этому. По правде говоря, и сам Роберт был не доволен причудами Лукаса, но он естественно старался ко всем относиться доброжелательно по мере возможности.

– Вот доедем до Калифорнии... – начинал обычно к вечеру говорить Роберт, но его мало кто слушал и уже не с таким восторгом, как в первые дни поездки.

Как ни старался мистер Рассел подбадривать всех рассказами о Калифорнии, ему всё чаще казалось, что людям этим и не нужна на самом деле никакая Калифорния, что они просто бесцельно склоняются по прериям, будто им приказали

делать это. Но Роберт знал, что всё это временно, вот доедут до приисков и тогда сразу в глазах огни засияют.

Когда день, в которой группа встретила индейцев, постепенно забылся, на смену страху пришла рассеянность. Она, как болезнь, проникала в каждого, и признаки этой болезни можно было увидеть, когда, к примеру, ставили палатки: кто-нибудь да обязательно сделает что-то не так. Пока эта необъяснимая рассеянность медленно распространялась, её практически не замечали, только если приглядеться, увидишь, что и в самом деле что-то происходит.

Вскоре из-за рассеянности произошёл очень неприятный случай. Одному из самых молодых путешественников Тоду поручили донести до фургона котелок с продуктами для приготовления ужина, и он случайно уронил его.

– Дьявол! – произнёс Конор, увидев лежащую на земле еду. – И как же так можно?!

Тод потупил взгляд. Ему пришлось вытерпеть довольно большую лекцию по поводу собственного ничтожества, пока произошедшее не заметил мистер Рассел, и не заставил Конора замолчать.

– Нет, вы посмотрите на него! – возмущался Конор, будто только и поджидавший случай показать всё своё «красноречие» в силе. – Хотите сказать, этот идиот ещё сухим из воды выйдет?! Нет! Иди-ка сюда!

Конор пытался затеять драку, но мистер Рассел с вызвавшимся помочь Дугласом оттащили его от растерявшегося

Тода. Роберту удалось уговорить Конора, а затем успокоить бедного Тода, чувствовавшего огромную вину по отношению к остальным.

Мистер Рассел не мог понять, чего добивается Конор подобным поведением, он решил, что у того просто такая реакция на долгое путешествие. Роберту приходилось сталкиваться с похожими людьми, каких он называл «паникёрами» и «скандалистами». И беда, если такой человек старается всеми силами показать, что он намного опытнее и умнее других, тогда он начинает на всех огрызаться, показывая таким образом своё якобы превосходство.

Только мистеру Расселу Фрэнк, лечивший Тома, позволял заглядывать к больному. И мистер Рассел так же, как и Фрэнк, не выказывал беспокойства по поводу состояния Тома. Но пока ещё страх нападения индейцев был силён, тут же вспомнилось, что Роберт упоминал ещё и о болезнях. Неужели если их не убьют индейцы, то тогда они умрут от болезни? Этот вопрос мучил, наверное, всех.

Но когда в один вечер Эдвин спросил у Фрэнка, как состояние Тома, то Фрэнк, будто размышляя сам с собой, произнёс:

– Я делаю всё возможное, всё возможное. Не знаю даже, что сказать. Да... состояние... не очень. Пока улучшений нет... совсем нет. Но я делаю всё возможное... всё, что могу.

Фрэнк словно бы оправдывался сам перед собой. Эдвин, привыкший видеть до этого невероятную собранность Фр-

энка, впервые серьёзно обеспокоился за Тома.

– Выздоровеет... обязательно поправится. Ведь я делаю всё возможное, – продолжал говорить Фрэнк.

Глава 5. Сновидения Эдвина

В одну из ночей Эдвину приснился очень странный сон.

Ему снилось, будто после ужина он и его товарищи как всегда разговаривали о чём-то. Марк принёс карты, и над походным столиком собрались желающие поиграть в покер. Игроки довольно громко обсуждали, кто же будет играть в следующую партию, а те, кого не заинтересовал покер, начали петь:

О, помнишь ли ты милую Бетти де Пайк,
Мы прошли через горы, я и ее любовник Айк
С упряжкой быков и большой желтой собакой,
С большим петухом из Шанхая и с пестрой свиньей.

Из-за поднявшегося шума, никто поначалу не услышал крики о помощи. Но вскоре до ушей отчётливо донеслось:

– Помо...

И что самое странное, кричащий явно парил над путешественниками. Когда все наконец-то замолкли и устремили вверх взгляды, то чуть ли не упали в обморок. В чёрном небе летали два огромных стервятника, один из которых крепко держал Тома. Стервятники парили кругами и как будто приглядывались к каждому путешественнику. Их огромные чёрные крылья, казалось, закрывали собой пол звёздного неба.

– Господи помоги! – вымолвил Марк, заворожённо смотря на нереальных птиц, и выронил карты.

Тут второй стервятник приблизился к бедному Тому и, вцепившись в его живот, вырвал часть его плоти. Крик, выражающий столько боли, ужаса, отчаяния моментально нарушил ночную тишину.

– Что же происходит?! Что это?! Это демоны? – дрожащим голосом спрашивал Лукас.

Дальше началось ещё более невероятное действие этой ужасающей пьесы. Из кровоточащей раны бедного Тома начали сыпаться какие-то камни, они как град падали на путешественников.

Конор пригляделся к этим камням, наклонившись, поднял один из них, и воскликнул:

– Да это же золото!

– Это золото! – подтвердил Марк.

Камни и правда походили на золотые самородки, но из-за крови, понять сразу, что перед тобой золото было не так просто.

– Золото! Золото! Золото! – кричал обезумевший Конор.

Совершенно забыв про стервятников, он бросился собирать самородки, ещё хранившие тепло человеческого тела, где они как в мешке и находились. Его примеру последовал и Марк, и Мэтью, и даже Фрэнк.

Эдвин вместе с теми, кто не потерял голову от золота, стоял в стороне, и, не имея возможности ничего сделать, на-

блюдал за происходящим. От безумия, творившегося вокруг него, сковало его тело, и он не мог даже пошевелить рукой.

Тем временем запасы золота истощились. Когда на землю упал последний золотой камешек, один из стервятников устремился к земле и схватил молчаливого Мэтью.

– Спасите! Спасите! – молил он о помощи.

Но ни Конор, ни Марк не обращали внимания на его просьбы, они продолжали лихорадочно собирать оставшиеся самородки.

Вскоре стервятники проделали с Мэтью то же самое, что и до этого с Томом. И новая партия кровавого золота упала на землю.

– Золото! Золото! Это – золото! – продолжал кричать Конор. В очередной раз согнувшись, он продолжал собирать заветные камушки, его карманы уже рвались от этих камней.

Творившемуся безумию не было конца: стервятники каждый раз искали себе новую жертву, исключительно из тех, кто собирал самородки. Когда они подняли в воздух Конора и так же вырвали часть плоти, то и из его тела, и из рваных его карманов сыпались самородки. Всех жертв птицы кидали в одну кучу. Иногда те, кто собирал золото, наталкивались на трупы товарищей, но, не обращая на них внимания, они продолжали своё увлекательное занятие.

И вот уже всё тише слышались возгласы: «Золото! Золото! Золото!», пока, наконец, стервятники не схватили последнего человека, но уже некому было подбирать камни, падаю-

щие из его тела.

Наступила тишина. Луна зловеще освещала гору трупов и золотые кровавые камушки, лежащие на песке. Огромных птиц и след простыл, только звёзды продолжали равнодушно сиять в ночной тьме.

Ещё несколько минут те, кто остались в живых, смотрели на это ужасное зрелище. Наконец мистер Рассел вышел вперёд, повернулся ко всем остальным и как-то хитро осмотрел оставшихся путешественников.

– Ну чего ждёте?! Всё это золото теперь наше! – быстро вымолвил он. – Наше! Это золото наше! И мы не умрём!

Роберт кинулся, как и до этого Конор с приятелями, собирать самородки.

– Это наше золото! Наше золото! Золото! – кричал Тод.

Можно было подбирать самородки, не опасаясь, что тебя схватит птица. Эдвин смотрел на склонившегося над землёй Роберта. Он подумал, что всегда мечтал о богатстве. Набрав золотых камней, он не только вылечит мать, но и обеспечит себя на всю жизнь. Эдвин даже сможет построить особняк в стиле ампира, о каком мечтал ныне уже покойный Фрэнк, да что там, он сможет есть из золотых тарелок, сидеть на позолоченных стульях, совершит кругосветное путешествие. Откинув все сомнения, он устремился за мистером Расселом и так же склонился над землёй.

– Золото, – шептал Эдвин, подбирая камешки, – золото, золото...

Эдвин проснулся и потёр мокрый от пота лоб. Он попытался снова заснуть, но мысли об этом странном сне не дали ему сделать это. Образы огромных нереальных стервятников ещё долго преследовали его, а в ушах стоял крик умирающих по воле этих птиц людей.

Утром Эдвин как-то более пристально оглядывал других путешественников, что не мог не заметить Конора.

– Ты чего, чёрт побери, так пялишься?! – спросил он Эдвина, его вечная агрессивность уже порядком всем надоела.

Эдвин хотел было ответить в столь же «вежливой» форме, но перед его глазами снова пронёсся тот ужасный сон. Он вспомнил, как Конор лихорадочно собирал самородки, и как потом стервятники безжалостно его разорвали. И вспомнив всё это, Эдвин понял, что он абсолютно не зол на Конора, ему даже скорее жалко его. Да, Эдвину было жалко этого человека, который в его сне погиб такой глупой и мучительной смертью. Интересно, а если бы события того сна были возможны в реальности, как бы тогда поступил Конор, стал бы он так же бездумно собирать золотые камни под угрозой быть схваченным стервятниками?

Пока Эдвин размышлял об всём этом, Конор ушёл искать кого-нибудь другого, над кем мог бы поиздеваться. Эдвин же всё так же продолжал стоять и растерянно оглядывать друзей. Его мучил вопрос: что если все они только тем и зани-

маются, что подбирают с земли самородки, но при этом любого из них может схватить стервятник? Так просто наклонится, взять с земли золотой камешек, и вот ты уже богат. Но через минуту тебя убивают, и в могиле золото тебе уже точно не понадобятся.

Фрэнк в течение дня приглядывался к Эдвину. Его настораживала и бледность его друга, и большие мешки под глазами, явно от недосыпания.

– Ты, Эдвин, себя хорошо чувствуешь? – спросил Фрэнк и поправил очки.

– Нормально, – ответил Эдвин и широко зевнул.

– Что ж, это хорошо. Я просто думал, не заболел ли ты часом, – произнёс Фрэнк, потирая нос.

«Боже, так ведь Фрэнк вместе с Конором бросился собирать с земли золото!» – снова Эдвин вспомнил кошмарный сон, и снова в ушах стоял истошный крик, и он снова увидел свои испачканные в крови руки, лихорадочно ищущие золото в песке.

И всё-таки это не более чем просто сон. Эдвин решил, что хватит ему забивать голову подобной ерундой, так и с ума сойти можно. В конце концов, это действительно только сон, такое никак не могло бы случиться в реальности, нет, не могло бы.

В очередном ночном дежурстве Эдвин много размышлял над увиденным во сне, но, так и не разобравшись в нем, свалил все на накопившуюся усталость. Он смог заставить себя

успокоится, и в следующие дни даже не вспоминал тот ночной кошмар. Наверное, во многом на Эдвина повлиял и тот факт, что скоро к нему и ко всем путешественникам снова вернулась вера в удачу. Они как-никак проехали уже довольно большое расстояние и осознание того, что с каждым днём они становятся всё ближе и ближе к Калифорнии вновь открывало их и заставляло ехать быстрее.

Тогда-то Эдвину приснился ещё один сон, не такой пугающий, как тот, про стервятников, но всё же не менее странный.

Снилось ему, что он оказался в тумане, да ещё в таком густом, что невозможно было, понять, где ты находишься. Пелена тумана простиралась во все стороны, насколько хватало глаз, словно стеной отгораживая Эдвина от остального мира. И не было кругом ни одного человека, ни одного дерева, только туман и влажный песок под ногами.

Эдвин тут же почувствовал себя одиноким, он бродил в тумане, пытаясь хоть что-то различить в густой пелене, но когда наткнулся на собственные следы, остановился на месте. Прохладный воздух насквозь пробирал его. Безумная мысль, что ему придётся бродить в этом тумане до конца своих дней не давала ему покоя и с каждой минутой наводила больше и больше ужаса.

И вот Эдвину показалось, что вроде как в тумане что-то блестит. Оглянувшись, он убедился, что и правда вокруг него пляшут какие-то странные огоньки. Чем быстрее эти

огоньки меняли местоположение, тем чаще они переливались, то совсем потухая, то снова вспыхивая, как новенькие монеты на солнце.

Эдвин попытался схватить один из огоньков, который подлетел слишком близко к нему, но не смог. Он пригляделся и вдруг понял, что эти огоньки – маленькие крупички золота. Они продолжали всё также хаотично кружиться в воздухе, дразня собой Эдвина. Но как близко бы крупички к нему не подлетали, поймать их всё равно было невозможно, они тут же, будто испугавшись, устремлялись вдаль и исчезали в тумане.

Постепенно кусочки золота терялись из виду, словно растворяясь в пелене тумана. И когда они начали массово исчезать, у Эдвина появилось чувство, что кто-то за ним наблюдает. И тут он услышал чей-то голос, даже вроде несколько голосов, но как Эдвин не вглядывался в туман, никаких людей он не видел. А голоса между тем становились всё громче и громче.

– Ты думаешь, что приедешь туда и будешь прямо с земли собирать золотые слитки, так?

Эдвин узнал голос Эрнеста и тут же вспомнил, как брат пытался отговорить его от поездки в Калифорнию.

Дальше он начал слышать ещё и ещё голоса, напоминающие ему о событиях недавнего прошлого:

– Не уж-то бездушный металл отберёт у меня сына?!

– Нам обязательно повезёт, я знаю!

– Да, далеко немногие вернуться назад, но те, кому удастся сделать это, можете мне поверить, будут миллионерами!

– Но правда, раз уж мы согласились ехать в Калифорнию, то должны надеется на лучшее.

Голоса напомнили Эдвину, как настойчиво просила его остаться мать, как наивно рассуждали о какой-то там удаче Фрэнк и Том, как твёрдо произносил наставления путешественникам мистер Рассел. Его сознание разрывалось на тысячи мелких кусочков. В этот раз он, кажется, по-настоящему понял, что он дурак, эгоистичный, наивный дурак, поверивший в свою удачу, возмечтавший во что бы то ни стало разбогатеть, думая при этом, что он ещё и сохраняет индивидуальность. Он не понимал, что индивидуальность его не совместима с жадной лёгкой наживы, что одно противоречит другому, и он поступает не оригинально, отправившись на Запад, а наоборот, слишком наивно и глупо.

Голоса стихли, а золотые крупички окончательно пропали из виду. Он стоял посреди тумана, не зная, куда ему идти, что делать, он чувствовал себя одиноким, он был слишком напуган, чтобы здраво мыслить...

Плохо, что многие наши сны очень быстро забываются. Проснувшись утром, Эдвин хоть и помнил, что на этот раз случилось с ним в мире снов, но смутные воспоминания об этом сне уже не производили должного эффекта и не наталкивали на те мысли, какие пришли Эдвину, когда он начал слышать голоса. Этот сон как-то слишком уж быстро за-

былся.

Эдвин, конечно, ради интереса пытался вспомнить более подробно, что же с ним случилось, пока он бродил в тумане. Но обычный туман не пугал его так же, как убивающие людей огромные птицы. Наверное, лучше запоминаются кошмары, так как они производят большее впечатление.

Хорошее настроение остальных путешественников быстро передалось и Эдвину и он не вспоминал больше ни о первом ни о втором сне.

– Нам осталось немного! Вот увидите, скоро достигнем Калифорнии! – при каждом удобном случае напоминал Роберт. И путешественники ему верили.

Глава 6. Те, чья мечта не сбылась

Том всё так же лежал в фургоне, а Фрэнк продолжал ухаживать за ним. Заходя по утрам в фургон больного и выходя из него минут через тридцать, чтобы принести для него завтрак, Фрэнк уже по привычке произносил одну и ту же фразу своим товарищам, с любопытством глядящим на него:

– Всё нормально.

И услышав это, они продолжали заниматься своими делами.

По правде говоря, путешественники скорее также по привычке интересовались здоровьем Тома. Он уже довольно долго лежал в фургоне. Все как-то привыкли к его затяжному постельному режиму, и для некоторых, особенно тех, кто не успел поближе с ним познакомиться, Том начинал существовать, только когда о нём вспоминали. А когда разговор переходил на другую тему, Том как бы снова отправлялся в таинственное небытие.

Эдвин часто думал о Томе, гадал, как же он там в тёмном фургоне, изменился ли он, лучше ему или хуже, или пока, действительно, «всё нормально». Эдвин вспомнил, как он разговорился с Томом в первый день. Тогда он высказал всё, что его волновало, а Том выслушал и успокоил его. Том ведь говорил, что он разведён с женой, с которой теперь живёт их семилетняя дочь. Да, будет ужасно если он так и не вернётся

в Нью-Йорк...

Через несколько дней произошёл случай, который всем сразу напомнил о Томе. Заболел ещё один человек, Ричард, который был только на два месяца старше Тома. Симптомы у него были те же самые, что и у Тома. Мистер Рассел распорядился, что бы и Ричард тоже ехал в фургоне, а Фрэнк ухаживал ещё и за ним.

Тут же пополз слух, что эта болезнь, которая одолевала и Тома, и Ричарда, заразная, что сразу стало главной темой всех разговоров. Чем больше высказывалось различных точек зрения, тем дольше длилась дискуссия.

– А что если потом все заболеют, а? – спрашивал Марк. – А если это смертельная болезнь, что тогда?

– Чёрт! Если это заразно, да ещё и смертельно, то лучше тогда сразу тех двух убить, чтоб потом не мучились и мы живы остались, – говорил Конор, но, слава Богу, никто больше не согласился с ним

Не решив ничего между собой, путешественники поняли, что только Фрэнк или мистер Рассел могут хоть что-то сказать им о том, заразна ли болезнь Тома и каково же, действительно его самочувствие.

– Мистер Рассел! Скажите же, чёрт возьми, умрут ли те двое от этой заразы или нет?! – всё так же раздражённо спросил Конор Роберта.

Но мистер Рассел ничего конкретного не сказал, но всё же он очень убедительно говорил, что волноваться нечего, Фрэнк

энк делает всё возможное, и что скоро они снова увидят здорового и невредимого Тома, а потом, может попозже на несколько дней, и Ричарда.

Чересчур раздражительного Конора ответ Роберта не устроил, и он собрался проникнуть в фургон к Тому, о чём поведал только Марку. Но всё же по каким-то неведомым причинам он отказался от своей задумки и продолжал всё также чертыхаться и возмещать агрессию на лошади.

Не прошло и недели после того, как слёг Ричард, и судьба готовила путешественников к ещё одному ужасному зрелищу, на этот раз более устрашающему, чем просто бездействующие индейцы.

Когда солнце уже покидало зенит, Марк различил вдалеке несколько фургонов.

– Смотрите же! – закричал он. – Кажется, впереди чьи-то фургоны!

Эдвин обрадовался, что они догнали группу, ехавшую впереди, они смогут объединиться и продолжить путь, не опасаясь, что с ними что-нибудь произойдёт, даже нападение индейцев будет им нипочём.

– И правда, это же фургоны! – подтвердил толстяк Дуглас.

Они начали подгонять лошадей: всем натерпелось посмотреть на путешественников, которых они догнали. Но чем ближе они подъезжали к их фургонам, тем более заметно становилось выражения недоумения и непонимания на лицах некоторых.

То, что те фургоны не двигались, никого не смутило, ведь их хозяева могли просто остановиться для отдыха. Смущало всех то, что не было заметно абсолютно никакого движения рядом с фургонами, будто там не было ни одного человека, ни одной живой души.

– Я не понял, там кто-нибудь вообще есть? – спросил Кенор.

Подъехав ближе, они поняли, что ответ на этот вопрос: «нет». Семь белых фургонов стояли ровно друг за другом, они походили на заброшенные дома, судьба хозяев которых со временем канула в Лету. Неподалёку находился давно потухший костёр, его небрежно засыпанные песком маленькие угольки стали новыми игрушками для ветра, увеличившего за последнее время свою силу.

– Индейцы? – сделал предположение Фрэнк, готовившийся ещё раз проведать Ричарда.

Мистер Рассел внимательно, с выражением скорби смотрел на все семь фургонов.

– Да, – подтвердил он слова Фрэнка, в принципе-то не нуждающихся в этом. – Их убили индейцы.

Роберт снова принялся задумчиво смотреть на фургоны, не в силах оторвать от них взгляд. Сложно сказать, что именно сейчас испытывал он и все остальные. Они очутились будто бы в заброшенном городе, жители которого однажды ночью исчезли. Но всё в этом городе будет хранить память о людях, о том, что когда-то они здесь жили.

– Парни, идите-ка сюда, – позвал всех Конор, зайдя за один из фургонов и протяжно свистнув.

Взору каждого открылись два трупа: молодого человека, которому наверняка не исполнилось ещё и девятнадцати, и бородатого мужчины. Их одежда насквозь пропиталась кровью, некогда струившейся из больших ран на шее. Спёкшаяся кровь уже давно приобрела зловещий багровый оттенок. Все, кто пытался посмотреть в раскрытые глаза этих мертвецов, тут же отводили взгляд в сторону. Над трупами кружил рой чёрных мух. Их раздражающее жужжание делало картину ещё более зловещей.

– Какой ужас! – вырвалось у Дугласа, и он отвернулся от трупов, чтобы его не стошнило, жадно глотая воздух.

– Господи! Здесь ещё трупы! – крикнул кто-то, уйдя к самому первому фургону.

Каждый понимал, что есть вероятность, что с ними может произойти то же самое, что и с этими несчастными: все в группе уже уяснили для себя, что они постоянно находятся под угрозой быть убитыми, ведь многие из охотников за золотом так и не достигли Калифорнии. В воздухе как будто повисли несбывшиеся мечты убитых, их недостигнутые цели, оборванные жизни. Иногда жизнь – это афиша какого-нибудь спектакля, повешенная на столбе, в хорошую погоду ей ничего не грозит, а в бурю ветер может запросто сорвать эту афишу и унести её в лужу, и никто больше не сможет её прочитать.

Особенно Эдвин ощущал, как вся атмосфера в округе насыщена разочарованием по несбывшейся мечте. Ему чудилось, что над этими семью фургонами кружатся еле заметные призраки убитых бедолаг. Думая о них, он понимал, что он такой же, как и они, что он запросто может оказаться на их месте.

– А они ведь, наверняка, везли что-нибудь ценное с собой, – предположил Конор, чем привлёк внимание Эдвина, – ну деньги-то они не могли не взять. Так может поискать, а что такого? Деньги лишними не бывают.

Но только он собрался заглянуть в один из фургонов, как тут же его остановил мистером Расселом.

– Конор! – окликнул его Роберт. – Конор! Прекрати! Есть в тебе хоть капля человеческого?!

Конор хоть и старался всё это время игнорировать мистера Рассела, но всё же не стал воплощать задуманное.

– «Прекрати», – кривляясь, передразнил он Роберта.

Мистер Рассел понимал, что оставаться здесь дольше не имело смысла, да и зрелище трупов с перерезанным горлом могло запросто отрицательно сказаться на поведении его группы.

– Едем дальше, – сказал он, усаживаясь на лошадь.

Путники побрели каждый к своему фургону.

Удаляясь от злосчастного места убийства целой группы тех, кто так никогда и не станет старателями, многие буквально через каждые несколько метров оглядывались назад,

как будто питали надежду, что умершие вдруг оживут и продолжат путь.

– Да, не повезло им, не повезло... – загадочно произнёс Марк и многозначительно замолчал, как философ, пришедший к важному жизненному заключению.

– Им не повезло, значит, нам повезёт, – пробубнил Мэтью, это были первые его слова за сегодня.

– А, чёрт! Деньги-то у них ведь должны быть! – с досадой говорил Конор. – Надо было всё-таки поискать! А что такого?! На кой чёрт мёртвым деньги, если подумать? А живым они всегда кстати.

Только Конора, наверное, вид людей с перерезанным горлом несколько не смутил, не испугал и не вызвал жалости. Можно было подумать, что он часто сталкивается с подобными случаями. Никто ничего не сказал ему по поводу его заявления на счёт денег, никто в принципе и не мог сейчас думать о деньгах, перед глазами до сих пор стояла та ужасная картина с окровавленными трупами и роем чёрных мух над ними.

Но не проехали путешественники и мили от места убийства той группы, как снова кто-то воскликнул, указывая на горизонт:

– Смотрите! Смотрите! Что это там такое? Человек?

И правда рядом с большим деревом около каких-то кустов виднелись еле заметные очертания человека.

– Индеец что ли? – гадал Марк.

– Да нет, вроде как белый, – ответил Конор.

Завидев вдалеке человека, они поехали быстрее. Этот человек, еле бредущий по песку и покачивающийся от усталости и жажды, пока не замечал путешественников.

– Эй! – как можно громче окликнул его Марк, и одинокий путник, обернувшись, увидел их.

Незнакомец, не скрывая бурной радости и забыв об усталости, чуть ли не вприпрыжку побежал к группе Рассела. Его порванный запачканный жилет развивался на ветру.

Когда расстояние между путником и группой сократилось до считанных метров, стало возможным хорошенько разглядеть его. Он был необычайно высокого роста, чёрные локоны волос постоянно лезли ему в глаза, чем по-видимому причиняли много хлопот. Его светлый взгляд выражал одновременно и глубокую задумчивость, и радость.

– Ты что, хотел пешком дойти до приисков? – усмехнулся над незнакомцем Конор, как-то презрительно посмотрев на него.

Но тот не замечал презрения.

– Слава Богу! Слава Богу! Слава Богу! – говорил незнакомец, никакими словами он не мог выразить всей своей радости.

Все догадались, что он – единственный выживший человек из той группы. Но оставалось загадкой, как ему удалось это. То, что он жив, должно быть, просто невероятная удача, подарок судьбы.

– Слава Богу! Слава Богу! – всё так же твердил незнакомец.

Путешественники подождали, пока он успокоится.

– Я... Генри, – проговорил он с затяжной паузой, будто вспоминал, как его зовут.

– И как же тебе удалось выжить? – спросил Марк.

– О... Это долгая история... Вы, наверное, не представляете, как я рад, что оказался на вашем пути! Я уже думал, что умру в этой дурацкой пустыне. Кто у вас главный?.. Вы? – обратился он к Роберту, но не стал ждать ответа. – Вы не беспокойтесь, у меня деньги есть, я заплачу. Знаете, я так рад! Могу ли я присоединиться к вам?

Роберт, присмотревшись к нему, кивнул головой.

– Вы не представляете, насколько я рад! Я не доставлю вам никаких проблем, не беспокойтесь, – продолжал тараторить Генри.

Он говорил очень эмоционально, казалось, он вот-вот пустится в пляс. Неряшливым жестом новичок то и дело смахивал длинные пряди волос, падающие на глаза. По его живому взгляду можно было сказать, что человек этот имел хорошее образование и обладал пытливым умом. Но в то же время чувствовалось в нём что-то, напоминающее безумца.

– Хорошо, Генри, – обратился к нему мистер Рассел, – можешь сесть рядом с Тодом, на передок, – и он указал на фургон Тода.

Генри устремился к указанному ему фургону.

– Премного вам благодарен! – громко провозгласил он.

Когда Генри занял своё место, фургоны снова двинулись в путь.

Кроме денег, о которых упомянул новый член группы, с ним имелись и какие-то другие вещи, которые лежали в небольшой походной сумке. Так как сумка эта была небольшого размера, многие даже не сразу заметили её. Теперь Генри сидел, сжимая сумку и улыбался, смахивая иногда со лба непослушные волосы.

Генри с завидной быстротой приобщился к новой компании. Сначала он познакомился с Тодом, начав со стандартного вопроса: «Как тебя зовут?», он сразу продолжил знакомство, рассказывая какие-то случаи из жизни. В его манере разговаривать ощущалась какая-то странность, многие думали, что у него и правда что-то не то с головой.

– Так как же тебе всё-таки удалось выжить? – не унимался Марк, он хотел во что бы то ни стало добиться ответа на этот вопрос.

– А всё очень просто, – быстро отвечал Генри, – я, знаешь ли, предпочитал спать в фургоне. Так вот той ночью, когда на нас напали индейцы, я спал, закутавшись с головой, привычка у меня такая. И, должно быть, краснокожие просто приняли меня за вещи.

Марк, конечно, не ожидал услышать, как Генри героически сражался с индейцами, безуспешно пытаясь защититься от них своих товарищей. Но он так же и не ждал, что всё

окажется так просто. Его всего-навсего не заметили, приняли за вещи и всё тут.

– Я из Бостона, – рассказывал Генри, – досадно, конечно, что всех, с кем я ехал, настигло такое несчастье. А проводник наш хвастался, что знает особую технологию добычи золота, даже чертежи показывал какие-то, поэтому мы все вносили по триста долларов. Жаль, что он уже ни с кем не поделится. Хотя не знаю, может, он просто дурачил нас.

Генри понадобился всего один вечер, чтобы со всеми перезнакомиться. Что удивительно, он даже поладил с Конором, с помощью остроумия ему быстро удалось усмирить задирающего нос путешественника.

Уже на следующий день всех не покидало ощущение, будто Генри едет с ними прямо из Индепенденса. Лишь изредка кто-нибудь упоминал, что только со вчерашнего дня он к ним присоединился.

– Да, вот же везение, – говорил Тод, – и жив остался после нападения индейцев, и другую группу встретил!

Внимание всех было приковано к Генри, он стал точно новым учеником в школе, которого только то, что он новенький, делает самым уникальным человеком в классе. Эдвину так же, как и остальным, нравился Генри, он находил его забавным, неглупым и вообще хорошим парнем.

И никто, наверное, не вспомнил за это время о Томе и Ричарде, только Фрэнк всё так же заходил утром к ним в фургоны и через полчаса выходил за завтраком.

– А куда это Фрэнк ходит? – поинтересовался как-то Генри.

– А, так это он за больными ухаживает, – ответил ему Тод, – у нас два человека заболело.

Фрэнк так же, на первый взгляд, не выражал никого беспокойства по поводу состояния больных. Но в одну ночь всех разбудили громкие стоны, раздававшиеся из фургона, где лежал Том.

– Что такое? – ничего не понимая, спрашивал Марк.

– Что-то с Томом случилось, – отвечали ему.

Фрэнк исчез в фургоне больного на минут сорок, а когда вышел оттуда, то изменился до неузнаваемости. Не было более того спокойствия в его взгляде, пропало у него ощущение, что всё под контролем.

– Всё... очень плохо, – изрёк он.

Фрэнк понял, что не имело смысла больше вселять во всех ложную надежду, пришло время сказать правду.

Глава 7. Смерть, бродящая по пустыне

Всё меньше деревьев попадалось по пути, их сменили кактусы. Колючие охранники пустыни, преданные своей хозяйке, природе, послушно отдавали ей свой долг. Казалось, всё в округе какое-то неживое, что всё уснуло. Только ветер не спал, он постоянно играл со своей излюбленной игрушкой – перекаати-поле.

Хоть и не встретишь на сотни миль в округе ни одного разумного существа, повсюду всё равно чувствуешь присутствие какой-то разумной силы, присутствие чего-то необъяснимого, что можно ощутить только интуитивно. Только прислушавшись к тихой песне ветра, приглядевшись к кактусам, проследив за перекаати-поле, взглянув на палящее солнце, понимаешь, что даже если в пустыне ты один, ты никогда не почувствуешь здесь себя одиноким. Потому что по пятам за тобой идёт Смерть.

Пустыня вообще излюбленное место Смерти, знаете ли. Здесь она может отдохнуть от каждодневных трудов, вдоволь насладившись прекрасными видами полного запустения. А иногда, а в последнее время очень часто, её и в этом месте отдыха поджидает работа. Сейчас Смерть как раз витала над одной из дюн, дожидаясь людей. В некоторых случаях она любит помедлить, она считает, что когда люди сами идут

к ней, то и утруждаться, то есть идти им навстречу, не нужно. Смерть вообще особа гостеприимная. Если бы у неё было постоянное место жительства, то около её дома, наверняка, был вкопан бы столбик с табличкой «Добро пожаловать». Она и поиграть с людьми любит, понаблюдать за ними, да и много ещё чего она может о себе рассказать. Но сейчас ей некогда: работа, что ни говори, есть работа.

Да, вот они показались, точно по расписанию, как говорится. Белые фургоны, эти шхуны прерий, медленно выплывали из-за дюн. Два человека, один по имени Том, другой по имени Ричард должны были сегодня распрощаться с жизнью...

Путешественники не на шутку встревожились, в особенности Фрэнк. Он не находил себе места с того самого момента, когда ночью всех разбудил протяжный стон Тома. Фрэнк то вертел в руках аптечку, то листал взятый с собой в поездку справочник. Но достаточно было только взглянуть на его трясущиеся руки и бегающий взгляд, чтобы понять, что хоть он и листал справочник, ничего конкретного он там не искал. Возможно, книга в руках успокаивала его и внушала мысль, что всё ещё под контролем.

– Я... я... – шептал через каждые несколько минут Фрэнк, но так и не оканчивал начатой фразы.

Стоны стихли, больной доживал последние часы, а, может, и минуты своей жизни. Каждая мысль Эдвина вертелась

вокруг Тома. Он вспоминал их разговор в первый день, привычку друга щёлкать пальцами. Том больше никогда не будет щёлкать пальцами, никогда не доедет до приисков, никогда не вернётся в Нью-Йорк богатым человеком, как мечтал, никогда больше не увидит свою дочь.

– Да, жалко человека, жалко, – задумчиво сказал Генри.

Эдвин понимал, что даже Генри, который только-только к ним присоединился, сочувствует Тому. Но сочувствие нового путешественника, который никогда не видел Тома, ни в какое сравнение не шло с сочувствием Эдвина. Генри ведь не знал, что у этого несчастного осталась в Нью-Йорке семилетняя дочь. А Эдвин знал это, и мысль о бедной девочке не давала ему покоя, чуть ли не сводила его с ума. И ему постоянно казалось, что он слышит, как Том щёлкает пальцами, этот звук просто преследовал Эдвина.

Из всех путешественников только Мэтью выглядел полностью невозмутимым. Даже Конор сегодня меньше показывал агрессию. А Мэтью всё так же продолжал молчать и прятать руки за спину. Его взгляд, бегающий туда-сюда, какой практически сегодня был и у Фрэнка, ещё больше стал раздражать Эдвина. Но Эдвин понимал также, что он не мог сказать, что Мэтью не думает о Томе, судя только по его невозмутимости. Конечно, часто мысли и поведение человека не совпадают. Но Эдвин всё равно продолжал упрямо считать, что Мэтью наплевать на Тома, и он не мог объяснить причину возникновения подобного мнения об этом человеке.

ке.

Эдвин всё вспоминал разговор с Томом, наблюдал за другими путешественниками, и не заметил, как за этим занятием прошло около часа. Только появление мистера Рассела вернуло его из прошлого в настоящее. Роберт вышел из фургона больного, и по тому, что он держа шляпу в руках, и по его особенно грустному взгляду, всё стало понятно.

– Я должен сказать вам, что Том скончался, – сообщил Роберт, с задумчивостью оглядывая всех путников.

Услышав это, Эдвин невольно передёрнулся и зачем-то осмотрелся. Удивительно, что когда кто-то, кого ты хорошо знал, умирает, вся вселенная равнодушно продолжает жить дальше, миллионы людей продолжают жить дальше, а ты понимаешь, что не можешь поступить так же. Умерший человек в одно время и крохотная песчинка во вселенной, потеря которой никак на ней не скажется, но с другой стороны он целый мир для тех, кто его знал. Значит, смерть человека, если хотите, это смерть целого маленького мира, это закат целой цивилизации.

Вскоре тело Тома вынесли из фургона. Оно уже начало холодеть, приобретая тот нежно-белый оттенок, характерный всем трупам. Он сильно исхудал за это время, на его лице появился еле заметный блеск, вероятно из-за слюней и слизи. Только черты лица, да цвет волос напоминали в этом странном тощем существе старину Тома, того самого надеющегося на удачу Тома, любящего щёлкать пальцами.

Его тело завернули в какой-то зеленоватый брезент и пока положили на землю. Мистер Рассел принёс лопату, которую планировали достать лишь по приезду в Калифорнию, но сейчас, понятное дело, она понадобилась не для поиска золота.

Роберт принялся копать. Почва была здесь песчаной, но всё-таки более пригодной для захоронения, нежели чистый песок. Они остановились рядом с небольшим оазисом. Эдвин не был уверен, как точно назвать маленькую чашу, рядом с которой они находились. Хоть здесь и росли деревья, буквально через несколько метров снова начинались дюны.

– Марк, – сказал Роберт, – принеси какую-нибудь палку оттуда.

Марк, не сказав ни слова, ушёл выполнять данное ему поручение.

Мистер Рассел, пока Марк искал палку, закончил копать могилу. Тод и Эдвин, стоявшие ближе всех к телу умершего, подняли его с земли и медленно положили в яму.

Хоть Эдвин и выглядел вполне спокойным, на самом деле он очень тяжело переносил смерть Тома.

– Но правда, раз уж мы согласились ехать в Калифорнию, то должны надеется на лучшее, – слышался ему голос Тома откуда-то из-за спины, точно там стоял призрак его товарища.

Эдвин отвёл взгляд от завернутого в брезент тела и посмотрел на чашу, от которой с палкой шёл Марк. Ему вдруг

привиделась девочка, стоящая рядом с одним из деревьев. Маленькая девочка лет семи в красивом белом платье удивленно смотрела на Эдвина, не понимая, что происходит. У неё был такой же, как и у отца, нос, и выражение глаз таким же, как и у Тома, когда он вспоминал о доме.

Мистер Рассел уже закапывал могилу. Никто ничего не говорил, и от этого обряд похорон выглядел ещё более неестественным: на похоронах читают молитву, – но если кто-нибудь из путешественников и мог сделать это, он навряд ли бы решился. Но неестественность заключалось даже не в том, что не прозвучала молитва, никто ни слова не сказал об умершем. Хотя что они могли сказать о человеке, которого практически-то не знали? Да, они вместе с ним провели несколько месяцев, и всё же далеко не все знали, что в Нью-Йорке у Тома осталось семилетняя дочь.

Но вот когда Роберт уже почти зарыл яму, Фрэнк шепнул Эдвину:

– Он в последние дни говорил о какой-то Мегги. У него что, жена осталась в Нью-Йорке или ещё кто?

– Не знаю, – выдавил из себя Эдвин.

Сейчас проще было сказать «не знаю», хотелось поверить, что он и в правду не знает, кто такая Мегги. Хотя, конечно, обманывать самого себя сложнее, чем обманывать других. Всё-то Эдвин знал, хорошо знал.

Мистер Рассел отложил лопату, взял у Марка палку и воткнул её рядом с могилкой.

– Где шляпа Тома? – спросил он.

Ему подали шляпу умершего, и он повесил её на конец палки. После мистер Рассел молча развернулся и побрел к своей лошади.

Это озадачило Эдвина, да и, похоже, не его одного. Уйдя подобным образом, мистер Рассел как бы говорил: «закопать – закопал, больше я ничего не должен этому человеку». Так во многом и было, но всё же, с его стороны, следовало бы проявить больше уважение к умершему. Но ведь он в то же время никого не гнал в это поездку и *предупреждал*, что не все доберутся до приисков. И всё-таки такое отношение неприятно удивило Эдвина. Он думал, а входит ли в сумму, которою он платил в первый день, непредвиденные расходы на работу в роли могильщика? Всё ли подсчитал мистер Рассел?

Но всё же никто не виноват в том, что Том умер, и отправился он в поездку действительно добровольно. Значит, глупо искать причину для обвинения Роберта или Фрэнка, который, наверняка, и так чувствовал вину в смерти товарища. Том решил отправиться в путешествие, Том заболел, Том умер. Такова его судьба, и точка.

Сразу же после похорон группа продолжала путь. До ужина никто не решался заговорить, лишь изредка слышался чей-то шёпот, не более. Начавшийся за ужином разговор был недолгим, длился от силы минут пять. Затем путешественников поглотила ночь, и всё повторилось...

Только на этот раз стон послышался, когда уже светало, а не посреди ночи. Фрэнк всё так же таскался с аптечкой и лихорадочно листал бесполезный в данном случае справочник.

Эдвин не знал Ричарда так хорошо, как Тома, но и его смерть вызывала такое же сожаление. Запросто могло оказаться, что у Ричарда, к примеру, как и у Эдвина осталась на Востоке мать или родной брат, который до последнего отговаривал его ехать.

– Да, жалко человека, жалко, – сказал Генри, забыв, что точно такую же фразу, слово в слово, он произносил вчера.

Прошло четыре часа с того времени, когда путники проснулись от стонов Ричарда, как под утренний крик петуха, и мистер Рассел сказал:

– Я должен вам сообщить, что Ричард умер.

Умер ещё один человек, но все, ещё не отошедшие от вчерашнего, продолжали так же молчать, наблюдая, как Роберт копает могилу.

Оба они: и Том, и Ричард – мечтали стать богатыми. Все остальные путешественники, понятное дело, так же мечтают стать богатыми. Это мечта каждого человека, общая мечта, мечта стандартная. Ещё, будучи ребёнком, человек твёрдо для себя уясняет, чем больше денег, тем лучше, чтобы быть по-настоящему счастливым, нужно быть богатым. И вот он совершенно не замечает, как вступает в ряды других таких же, кто уверен, что счастье – в первую очередь, в день-

гах. И он приобретает стандартную мечту, точно созданную по заказу на фабрике, мечту стать богатым.

А сколько же, хотелось бы знать, сейчас направляются в Калифорнию таких же Ричардов и Томов? И скольких из них ждёт такая же участь? Скольких так же «похоронят», завернув в брезент, воткнув палку и повесив на неё их шляпы? Палки – вместо крестов, шляпы – вместо табличек с именем. Шляпы. Как будто это самая важная вещь каждого путешественника, которая может сообщить все нужные о нём факты. Обычные стандартные незатейливые шляпы, сделанные на фабрике, обычных стандартных людей со стандартными мечтами. Шляпы – это отныне их лица.

О чём подумал бы человек, проходивший мимо могилы Тома или Ричарда. Он, конечно, имён умерших не назвал бы, но смог бы кое-что рассказать о них по их шляпам. Шляпа Тома была совсем старенькой, человек бы сделал вывод, что её хозяин был очень бедным, от бедности, наверное, и стремившимся в Калифорнию. Шляпа Ричарда выглядела совсем новой, так что о нём так же не подумали бы. А какая вообще разница, что это были за люди, что они сделали в жизни. Один бедный, другой – не совсем, и этого вполне достаточно для людей, самое важное – сколько у тебя денег.

Все продолжали думать о Томе и Ричарде и упорно молчать.

На следующий день Эдвин вдруг совершенно с другой стороны посмотрел на их путешествие. Оно длилось уже

несколько месяцев, и за это время весь тот романтизм, присущий всем приключениям, который был вначале, совершенно пропал. Ветер, казалось, больше не подгонял путников, а, наоборот, дул в противоположную сторону, пытаюсь остановить их. Солнце теперь вставало по утрам, чтобы только напомнить, что они должны ехать дальше, ехать вперёд и только вперёд. Оно грело как будто более усердно, чем до этого, словно пытаюсь поджарить путешественников. В общем, и солнце, и ветер ополчились против них.

Через дня три после того, как похоронили Ричарда, группа наткнулась на вкопанную в землю палку с висящей на ней шляпой. Выходило, они не одни такие, кто хоронит людей подобным образом. Ага, шляпа эта старенькая, поношенная, значит, хозяин был не самым обеспеченным человеком, большего знать о нём и не требуется. Он просто был не очень обеспеченным человеком, как Том, как и почти каждый, кто ехал в Калифорнию.

Глава 8. Ночное происшествие

Несмотря на то, что группа Рассела стала меньше на два человека, ничего в принципе не изменилось. Солнце всё так же вставало на востоке и заходило на западе, Конор так же без конца чертыхался и возмещал злость на лошади, Марк улыбался, а Мэтью молчал, прятал руки за спину и бубнил себе что-то под нос. Короче говоря, жизнь текла своим чередом.

Эдвину удалось ближе познакомиться с Генри, он, как и другие, замечал много странностей в поведении новичка в их группе, такие как: фанатичный взгляд, эмоциональная речь, наполненная не всем понятными философскими рассуждениями. Но странности Генри не отталкивали от него людей, а, наоборот, притягивали. Выделялся он, прежде всего, не высоким ростом, а оптимизмом и жизнерадостностью: Генри так и сиял, как Вифлеемская звезда, ознаменовавшая рождение Иисуса. И подобно звезде Генри был как бы далёк от всего земного, привык всегда полагаться на случай, почти всегда равнодушно относиться к происходящим вокруг событиям.

В один из вечеров между ним и Эдвином произошёл следующий разговор.

– Так ты правда из Бостона? – спросил Эдвин, разглядывая пламя костра, танцующее свой чарующий танец.

– Конечно, – ответил Генри. – Я из того самого города, в котором в реку сбросили ящики с чаем, что послала Англия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.